

14/6
13

Библиотека
Ленина
С. Д. П. Т. П.

ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ АВТОДОРА У ТОВАРИЩА СУЛИМОВА

Председателя Совнаркома РСФСР, тов. Д. Е. Сулимова посетила делегация Всесоюзного слета юных друзей Автодора в составе председателей ряда республик и областей. Делегация рапортовала об успехе юношеского движения друзей Автодора

Фото А. Шайлеса

ОБЩЕСТВО
ПРОЛЕТАРСКОГО

ОПШЭ

ТУРИЗМА
ЭКСКУРСИЙ

**ОТКРЫТА ЗАПИСЬ НА КРАЕВЕДНЫЕ
ЗИМНИЕ МАРШРУТЫ ПО СССР**

УРАЛ

3 маршрута: 1) — Свердловск — Челябинск — Златоуст — 2) Свердловск — Тагил — Надеждинск. 3) Пермь — Тагил — Свердловск.

КАВКАЗ

4 маршрута по Закавказью и Черноморью.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

1 маршрут: Ташкент — Самарканд — Бухара.

КРЫМ

1 маршрут: Бахчисарай — Севастополь — Ялупка — Ялта.

УКРАИНА

2 маршрута: 1) по механизированному Донбассу. 2) Харьков — Днепропетровск — Днепропетровск — Киев.

Запись на путешествия и все справки производятся:

в Ленинграде, Москве, Смоленске, Иваново-Вознесенске, Харькове, Нижнем Новгороде, Казани, Самаре, Саратове, Воронеже, Свердловске, Ялте, Ростове и Дону, Тифлисе, Баку, Ташкенте, Алма-Ате, Новосибирске, Хабаровске, Иркутске и Минске.

Лица, проживающие в пунктах, не указанных в настоящем перечне, записываются в ближайшем от места жительства.

У. С. С. Р.

Народный Комиссариат Здравоохранения и Харьковский Медицинский Об-во всеукраинский институт ЭНДОКРИНОЛОГИИ и ОРГАНОТЕРАПИИ Харьков, ул. Артема 10-12.

ВЫРАБАТЫВАЕТ СПЕРМОЛЬ

(ВЫТЯЖКИ ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ)

во флаконах принимать каплями, в таблетках принимать в табл., в ампулах для подкожн. впрыск. Показан к применению при общей слабости, ослабленн. нервной системе, неврастении и как общее тонизирующее средство и др. Способ применения при каждом препарате. Продажа во всех аптеках и магазинах Сангигиены СССР.

ЗАТРАТИВ
ВСЕГО

50 КОП.

ТЫ МОЖЕШЬ:

Получить хорошую квартиру в ЖСК в Москве, Ленинграде или Харькове.

Иметь легковой автомобиль.

Отдохнуть в лучшем курорте СССР.

Выиграть ценную вещь, как напр.: комбайн, жнейку, сенокосилку, трактор, пианино, велосипед, швейную машину, фото-аппарат и т. д.

ПРИБРЕТАЙ БИЛЕТЫ

1-й Всесоюзной лотереи,

организуемой на дело помощи инвалидам войны, больным, раненым и демобилизованным красноармейцам, семьям лиц, погибших на войне и семьям лиц, призванных в ряды Красной армии и флота.

Билеты продаются во всех городских и районных обломах и коммунах и их первичных ячейках.

1-я ВСЕСОЮЗНАЯ ЛОТЕРЕЯ

на дело помощи инвалидам войны

ЦЕНА БИЛЕТА

50 КОП.

ГЛАВНЫЕ ВЫИГРЫШИ:

в 10 000, 5 000, 2 500, 1 000 руб. и т. д.

Своим участием в данной лотерее ты поможешь инвалиду войны и семье призванного в ряды Красной армии и флота и укрепить оборону страны

ПОРТРЕТ художественно-увеличенный тушью с любой фото-карточки, размер с паспарту 32x40 сант. цена 16 р., в красках на 100% дорожке, с упаковкой и пересылкой, заказы выполняю по получении половины стоимости портрета срок 15 дней. Москва, 29, Новоосенский проезд, д. 35, кв. 1, худ. И. САЗКОВУ.

ЧИТАЙТЕ РОСТ

САМОУЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ
Вокально-муз грамота. Постановка и развитие голоса. Техника дыхания. Начальное управление. Цена 4 р.

САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА СКРИПКЕ
Муз. грамота, наставления, упражнения и ноты. Цена 3 р. 75 к.

ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА ДЛЯ ХОЗЯЕК
Книга из любых имеющихся продуктов экономно готовить разнообразные, сытные и вкусные блюда, также тесто и выпечку. Множество полезных советов. Цена с перес. 3 р.

ВСЕ РУКОДЕЛИЯ
Самоучитель вышиваний, вязания, плетения, ткачества. Ажурные и фелетные работы. КРОЙКА и ШИТЬЕ. Починка и переделка. Книга имеет 348 рисунков. Цена 4 р. 50 к. Адр.: Киев, Кооп. Т-во «ЛОГОС» ул. Вороньского, 24/3, лицк 121.

МОГИЗ «НОТЫ-ПОЧТОЙ»
высылают налож. платежом без задатка В С Е имеющиеся на рынке для хора, пения, фортепиано, ноты дух. вых. струнных и народных инструментов, для оркестра. Книжки по музыке. **САМОУЧИТЕЛИ:** по нотной или цифровой системе. Для балалайки Илюхина Ц. 1 р. 50 к. Для гитары 7-струн. Иванова Ц. 3 р. 45 к. Для мандолины Александрова Ц. 1 р. 50 к. Для 2 х рядк. гармоник венск. русск., нем. строя 21 кл. 12 бас. Сергеева и Голубева Ц. 1 р. 75 к. Пьесы от 6, 8 и 10-и и дорожке. Альбомы на разные цены. Для баяна 52 кл. 90 басов только по нотной системе. Школа-самоучитель Гладикова и Голубева Ц. 2 р. 50 к. Пьесы от 3, 8 и до 10 коп. и дорожке. 2-й обложки реп. песен Голубева и Тарнопольского. Ц. 1 р. 20 к. Маталоги бесплатно. **ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:** Москва, центр, Неглинная, 14 «Ноты почтой».

Художественно-увеличенный ПОРТРЕТ
роскошно отделанный тушью исполняется с любой присланной карточкой. Размер с паспарту 27x34 см. 9 р., 32x40—12 р., 44x56—17 р., 54x68—23 р., тон селени (коричневый) на 25% дорожке, в красках на 50% дорожке. Для красок указать цвет волос, глаз, платья. Заказы выполняются быстро и аккуратно по получении половины стоимости портрета. Карточки возвращаются. Заказы и деньги направлять: Москва, 15, 2-я Хутурская ул., 11/0. Мест. увел. портр. «Новый быт».

ЧИТАЙТЕ РОСТ

Вопросы ВП О Л А

полкового ВОСПИТАНИЯ в БРАНА и СЕМЬИ в АЛЬБОМ В ТРЕХ ЧАСТЯХ (более 1.300 рисунков). Под редакцией профес. В. И. ТАЛНЕВА, Н. И. ИОРДАНСКОГО, С. Я. ВОЛЬФСОНА и при участии проф. Т. П. САХАРОВА и проф. Н. СОРОХИНА. И альбому прилагается семь книг (1116 стр. текст). Цена альбома в разл. со всеми прижонками 38 рублей. Высылается только по погуч. задатку не менее 10 р. Москва, Г. С. П. 10, Мокшова ул., д. № 26 кв. маг. Просвет. о. ва «ПРОМТЕХ».

Сдавайте старую посуду

ВСЕ МАГАЗИНЫ (бывшие ТЭЖЭ) ЛЕНЖЕТ, магазины ЦРК и потребности операции ПОКУПАЮТ ФЛАКОНЫ ИЗ-ПОД ДУХОВ, ОДЕКОЛОНА, БАНИИ и ТУЕВ ИЗ-ПОД ИССМЕТНИИ.

ГДЕ БЫЛА БИРЖА ТРУДА

СССР—единственная страна в мире, где безработица полностью ликвидирована. Здания бывших бирж труда переданы под культурные и бытовые учреждения. В помещении биржи труда Сталинского района в Москве работают ускоренные курсы по подготовке на рабочих инструментального завода мастеров и техников для восстанавливаемых заводов—„Шарикоподшипник“, „Фрезер“ и „Калибр“. На с н и м к е: рабочие инструментального завода на уроке математики

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ПЯТИЛЕТКИ

Счерк Флоры Бархиной

„Реальность нашей программы—это живые люди“
(Сталин)

Мы сидим с Сидоренко на крыше литейного цеха. Сюда доносятся монотонные удары по железу,—железо камертоном длит звук,—грохот сколачиваемых досок, ржание лошадей и гудки автомобилей плывут в потоке еле различаемых по своей густоте шумов, какими так богато великое строительство. Внизу на версты широко и прочно раскинулся шатер Тракторострой. Совсем недалеко высится рештовка ТЭЦ—достраивающейся теплоэлектрической станции. Отсюда в скором времени по проходам и трубам разольется по всей этой огромной территории тепло и свет. Блести на солнце своими стеклянными стенами, плавно растинулся красавец механо-сборочный. Дальше кузнечный, весь в железе, пока еще сквозной, порождающий своими висящими в воздухе железными конструкциями двойственное впечатление массивности и легкости в одно и то же время. Совсем близко, напротив—ремонтно-механический цех, рожденный первым, непохожий на другие, кажущийся старым, давным-давно живущим здесь.

Немного дальше, на южном участке (шоссе разрезает всю площадь на два участка—северный и южный), виднеются высокие белые здания—жилища, будущий социалистический город. Дома грузно нависли на землю, и, глядя на них и на

одетые в бетон и железо, прочно осевшие цеха, трудно поверить словам, какими обычно начинается всякий очерк, почти каждая статья о Харьковском тракторострое: „Всего год тому назад здесь был пустой, заброшенный полустанок“. Теперь здесь, пожалуй, многолюдней и шумней, нежели в городе, и недаром ни железная дорога, ни автобус, ни другие средства передвижения не способны обслужить лавины устремляющихся сюда людей.

Плоская крыша литейного накалена. Мы сидим с Сидоренко на станках, непонятно почему размещенных здесь.

Сюда мы взобрались по сколоченной из досок лестнице с узкими перекладинами, после того как б зуспешно пробовали обосноваться в ячейке литейного (Сидоренко—ее секретарь). Если вы хотите поговорить с Сидоренко, вам надо увести его куда-нибудь подальше от цеха, спрятаться с ним, иначе его ежеминутно отвлекут, и вам так и не удастся поговорить с ним. То прибежит выпученными серыми глазами паренек из ячейки МОПР и прочтет Сидоренко проект письма к берлинским строителям, то придет холщовой парубок—строитель-сезонник—и попросится в учкомбинат на переквалификацию. Ведь Сидоренко, этот юноша (ему всего 20 лет) с широкими сросшимися бровями, со взрослой суровостью во взоре, это—„командир комсомольского сквозного батальона красногвардейцев пятилетки“. Того батальона, который награ-

жден на Всесоюзном съезде бетонщиков знаменем СССР газеты „Труд“. Тот Сидоренко, который дал мировые рекорды по замесу, за что награжден заграничной командировкой. Он чрезвычайно прост, скром и серьезен. Кому не вскружила бы голову такая слава, портрет, напечатанный в Ц. о. партии, в „Правде“, в ком не заговорило бы дремлющее где-то в тайниках почти каждого человека тщеславие? Но Сидоренко точно не замечает всего этого, всецело занятый своим текущим делом. Сегодня он особенно озабочен, он ставил себе цифру 1040 замесов, а дал всего 937. Пускай это небывалый в мире рекорд. Пускай все местные газеты говорят о настойчивости и героизме комсомольского батальона, для Сидоренко—это поражение. И рассказывая мне о батальоне, о суровой зиме на строительстве, он то и дело возвращается к последней „неудаче“ и, точно извиняясь, говорит:

—Подвела администрация... Бадей дали мало, материала нехватало.

Тут врывается какой-то царень и прерывает:

—Сидоренко,—кричит он,—когда будет виробнична награда?—И командир батальона уже занят им. Минуты текут... Мое терпение иссякает.

—Сидоренко,—уйдем отсюда,—тяну я рукав его юнштурмовки. Он, задумавшийся, круто сводит свои брови, потом

лицо его озаряется двумя веселыми добродушными ямочками.

— Пидемо на гору, на дах,—говорит он и ведет меня на крышу литейного.

— Звідси вам буде видно все.—И он гордым хозяйским оком окидывает всю площадь.

И я смотрю на бетонные стены, на железо и кирпич, перевожу глаза на Сидоренко,—он кажется мне частью всего этого и мне трудно представить себе его в иной обстановке.

— А теперь расскажите что-нибудь о себе,—предлагаю я ему.

— Про себе?—он делает недоуменный жест рукой,—як я прийшов до батальону?

— Нет, о самом себе, еще до батальона. Как вы жили, кто ваши родители, где учились, как попали в комсомол?

Ему все это кажется скучной темой, по лицу его пробегает тень недовольства. Он, очевидно, охотнее рассказал бы о батальоне, о боях с Мисягиным, но я настойчива, и вот он бесхитростно и просто начинает рассказывать мне свою жизнь, свое детство. Он краток, отрывист, почти анкетен.

Он из Конотопщины. Сын бедных седлян. Отца потерял на империалистической войне. С 11 лет „в людях“—у „дядкив“. Пас скот. 12—13 лет в учении у сапожника. Дальше—чернорабочий на железной дороге. В комсомоле с 14 лет.

Зима. Лютые декабрьские морозы. Коленют пальцы, затвердевают уши, неистовствует вьюга.

На крыше механо-сборочного цеха работает Сидоренко со своей бригадой. Здесь он получает боевое крещение. Пусть многие плотники бегут, пусть хвища (так называют Сидоренко вьюгу) угрожает сорвать оставшихся,—план выполнения крыши не должен быть сорван.

На заседании бюро ячейки № 2 Промстрой докладывает Радкевич о комсомольском батальоне. Там не все в порядке. Нет твердого руководства. Нужен крепкий командир. Задумываются, обсуждают, спорят. И решают перебросить в батальон Сидоренко. Последний возражает: сейчас во что бы то ни стало надо закончить крышу механо-сборочного. Уйти—значит сорвать работу. И без того плотники бегут. Он должен остаться на этом самом угрожающем участке. Бюро приходится согласиться с его аргументацией.

Сидоренко пришел в батальон, когда крыша механо-сборочного заканчивалась, когда стало известно, что комсомольский батальон разваливается. Ребята склочничали, подстрекаемые одним примазавшимся подкулачником, руководства не было, расхлябанность дошла до того, что батальон однажды бросил работу. Новому командиру удалось вернуть многих, но полное равновесие было восстановлено, конечно, не сразу. Пришлось устроить собрание, вылить все недочеты, все неподладки, разоблачить индикатора слюды, очистить батальон от чужого и лишнего элемента, и тогда батальон стал превращаться в органическое целое, охваченный единой волей, единой целью.

В январе ребята еще не могли пролить слезы. Работали только 10 минут, а часа два приходилось укрывать бетон матами. Это закаленнейшее вещество, ставшее синонимом твердости и выдержки, само боится холода по крайней мере при своем рождении. Весь батальон старается вырвать у зимы определенное количество кубометров бетона. И только в марте настоящему разворачивается работа по замесу.

В марте бригада Лизогуба на кузне дает 40 замесов за два часа. Это тогда считалось победой. Комсомольскому батальону обидно читать в своей штурмовой листовке, что „вперед и идет бригада Ли-

зогуба“... Комсомольцы не хотят отстаивать. Через два дня батальон дает 63 замеса в 2 часа. И тогда в „Ударе“ крупно чернеют буквы: „Комсомольцы впереди“. Рекорд Лизогуба побит.

Апрель. Заседание бюро ячейки литейного. Доклад прораба Слипченко. Он говорит: „Батальон без работы, а у нас вот сорван план целой стены. Мы ждали чертежи к 8-му, рассчитывали сделать стену в 10 дней, начал с 10-го. Чертежи прибыли только 11-го: взяться бы батальону за эту стену.“

Думали ночью. Всю ночь под Сидоренко скрипела койка. Назавтра заседание становится: „вырвать стену“.

В ледяном ложе спят узкоколейки, материал не подвезен, стена в 350 кубометров на 1500 замесов. Все придется делать самим.

Утром в литейном возле конторы, где рабочие вешают номера, где десятник направляет прибывающих чернорабочих на разные участки,—стал Сидоренко, критически оглядывая каждого приходившего. Впрочем, в последнем он не очень нуждается, каждого он знает в лицо, знает кто свой парень, и такого он подзывает к себе и тихонько за спиной десятника зовет в свой батальон. Коротко, но убедительно доказывает важность предстоящей работы. 16 молодых отборных парней переманил к себе в тот день Сидоренко. Вечером в бараке собрался весь батальон. Решили разделить батальон на три бригады по двадцать шесть человек в каждой.

Решили взять стену в пять дней. 14-го вышли на работу. Командир расставил свое войско в строгом шахматном порядке, твердо разграничив функции. 19-го, в 8 часов утра, стена была готова. Если учесть большие простои, она была сделана в три дня. Комсомольцы показали, как они умеют работать.

Май развертывает рекордные бои по замесам. На ТОН уже дали 240. Теперь у всех на устах один лозунг: даешь 250 замесов. Рекорды постепенно становятся нормой. Бригады живут интенсивной, горячей жизнью соревнования. В механо-сборочном комсомольская бригада Романова дает 275 замесов. Батальон отстает. Ему негде развернуться. Ему не представляют места для боя. Сидоренко идет к прорабу и технику.

— Мои парни чуть не плачут,—говорит он,—бригады, которые плелись в хвосте, кроют нас. Дайте нам возможность показать себя. Покажите планы, где будет бетон.

Но пока еще нет ни чертежей, ни планов, и прораб с техником ничем не могут помочь.

19 мая Мовлов со своей бригадой дал 306 замесов. Тогда батальон не выдержал. Парни ходили мрачными. И бригадир Радкевич, стойкий комсомолец, крепкий ларец, заплакал. Да, да, заплакал настоятельными слезами, какими плачут женщины.

Сидоренко, возвратившись с пленума ЦК ЛКСМ, узнает, что батальон его бросает работу. Как? Его парни, дониндлинированные и стойкие, способны на такую вещь? Он бежит к ним возмущенный и алой, готовый обрушиться на них, но, увидев их опущенные лица и растерянный вид, он не может обличить и только спрашивает удивленно:

— Что с вами, ребята?

Прерывая друг друга, они начинают жаловаться, что им не дают места боя, что их обгоняют плохие бригады, что им стыдно пройти цех, что они хотят соревноваться. Тогда Сидоренко идет к прорабу и говорит:

— Так не годится. Надо поднять дух у ребят.—И он бродит вместе с Радкевичем по литейному, выискивая места для бетонирования. Наконец под электропечь на-

ходит фундаменты. 9 фундаментов на 500 замесов. Они бегут к технику.

— Дай нам уложить их в одну смену.

— Нельзя,—отвечает им Тимошкин,—инженер не разрешает, каждый замес должен находиться в бетономешалке не меньше 55 секунд, иначе он откажется признать годным качество бетона.

В то время в Москве на велозаводе грачевцы дали 334 замеса. Батальону разрешают превзойти их на 16. Но способная такая ничтожная цифра разрядить накопившуюся у ребят энергию? Обращаясь к инженеру, они просят разрешить им 500 замесов в смену. Тщетно. Не разрешают. Приходится подчиниться. Радкевич занял свой пост на подаче и укладке. Зозули ведал укладкой и трамбовкой. Гужба на загрузке, Козырев ведал движением, а сам Сидоренко стал на бетономешалке, на подаче бетона, с часами в руке. Отсюда командиру видно все поле боя. Он смотрит на часы,—ведь замес должен находиться в бетономешалке не меньше 55 секунд. Впрочем, за качество бетона он ручается, если даже свернет с каждого замеса две-три секунды. Скоро нормировщики обнаружили „кражу“ и доложили прорабу. Сидоренко сняли с бетономешалки, на его место стал инженер, педантично соблюдая все 55 секунд. К тому времени батальон сделал уже 402 замеса в 7 часов 15 минут. Батальон—герой дня. Два дня ребята ходили воспринявшие духом. Но на третий день по постройке разносится весть. Марусин дал 452 замеса. В эту ночь ребята не могут заснуть. Они разбудили Сидоренко, они горланят всю ночь, они вступают в бой, они готовы сейчас же начать снова, но им не разрешают.

8 июня батальон узнает, что есть для бетонирования площадь полов на 600 замесов. Батальон хочет драться, батальон хочет уложить все 600 замесов за 8 часов. Но им снова приходится преодолевать косность инженерно-технического персонала, разрешающего обогнать Марусяна только на 8 замесов. И снова строго разграничены функции, рассчитано каждое движение, и снова командир батальона на своем наблюдательном посту внимательно следит за часами. И, несмотря на простой из за оборванной монорельсы и сорвавшегося ролика, батальон за 7 час. 20 мин. дал 501.

За этими сухими цифровыми данными, которыми сыплет Сидоренко я вижу яркий блеск юношеских глаз, капли пота на молодых лбах, тревогу и страх в минуты простоя, лихорадочный интерес к тому, сколько уже сделано. За цифрами я начинаю видеть живых людей, и мне хочется познакомиться с их бытом. Я настойчиво расспрашиваю Сидоренко о его товарищах, о его бригадирах, Радкевиче, Зозуле, какие они в быту, не на производстве; шутят ли, балагурят ли, ходят ли в кино, читают ли что читают. Сидоренко слегка смущен. Дело в том, что он не знает их вне производства, не приходилось.

Разве не характерно, что сам он, Сидоренко, живущий здесь с июля 1930 года, здесь, в семи верстах от Харькова, был в городе всего раз десять? Разве не бывали дни, когда он и ночью не шел в барак, а спал здесь, в литейном, на досках рештовки, и разве не бывало, что в 12 часов ночи, когда портился экскаватор, приходили в комсомольскую коммуны (знали, что надо приходить именно сюда), и ребята, до того проработавшие 10 часов, поднимались с теплых коек и с боевой готовностью шли на штурм?

И сколько я потом усиленно ни старалась познакомиться с их бытом—повидать их где-нибудь на гулянке, с дивчиной в кино, мне,—странное дело,—это почти не удавалось. У них пока нет быта. Эти вдохновители трудового подвига срослись с про-

своздством, со строительством. Строительство—это фронт. А они—его солдаты. И потому их коммуна, в ряд расставленные железные кровати, портреты вождей на стенках и радио—это скорее бивуак, нежели жилище. Бывали дни, когда комсомольцы, чьи кровати стоят рядом, по неделям не видали друг друга. У них почти нет выходных дней, а если и бывают, то разве покинешь фронт?—И парень в свой выходной день идет в цех, в ячейку, в райком.

Недаром их штурмовая листовка „Удар“ напоминает военно-оперативные сводки. В особенно тревожные дни, когда на том или ином участке решается судьба плана, когда в тяжелой кузне устанавливается мостовой край или в литейном бетонируется стена шихторного склада, она выходит несколько раз в день. В те дни ее появления ждут с нетерпением, как телеграмм с фронта.

Это разительное сходство с фронтом выступает наглядно, когда видишь батальон за работой во время боя. Когда слышишь о небывалых темпах, о невероятных цифрах,—невольно самый процесс работы представляется лихорадочно быстрым, кажется, что рабочие суетливо снуют туда и сюда, торопятся, спешат.

Главное—расстановка сил и рационализация движений. В работе батальона нет обезлички, здесь каждый ответствен за свой объект работы, каждый на своем посту. И если командир батальона следит за ходом всего процесса, распоряжается всем батальоном, то Зозуля, Радкевич, Гужба—эти взводные и ротные командиры—знают только свой взвод, свою роту. И если запоздала бадей, то командир батальона знает, что не успеет укладка, и он, не сходя с своего наблюдательного поста, отдает распоряжение Зозуле перебросить с укладки на щебенку таких-то рабочих. И Зозуля, не оставив своего поста, тут же выполнит распоряжение командира.

Так было дано 501. Но не дремал также и Марусин. Прошло 4 дня, и он снова победил батальон: 543 замеса. Батальоновцы, задетые за живое, снова жаждут боя. 16 июня батальону представляют три куска поля на 700 замесов. Батальон хочет уложить все 700 в смену. Но им снова разрешают только 560. Батальон все же выбрасывает дозунг: „Дашь 600“.

Они работают, как всегда, дисциплинированно, рационализовав каждое движение. У них простой из-за неподвезенного во время материала: они все же дают 621. Эта цифра дает батальоновцам крепкую и прочую победу. Это почти триумф. В 12 часов ночи, после окончания работы, постройкой устраивает ужин в честь победителей. Общее торжество, произносятся речи. Наконец-то батальоновцы успокоились. Теперь уже их не победят: они радостно пируют на данном в честь их ужине.

А на завтра, в 9 часов утра, в конторке подается телеграмма „Шарикоподшипника“ о том, что у них дали 661 замес. Услышав это, Сидоренко ошеломлен. Он побежал в барак к товарищам.

— Ребята,—закричал он,—нас опять победили.

Ребята сидят ни живы, ни мертвы, их охватила почти безнадежность. Однако, они не хотят сдаваться, они решают сегодня же в вечернюю смену дать 700. Трезвый прораб сдерживает их пыл. Ведь надо раньше все подготовить. Шутка ли! 700 замесов—это как-никак 25 вагонов материала. Ладно. Они готовы отложить на завтра. И на завтра, 18 июля, начав с дозунгом „даешь 700“, молодые упорные энтузиасты дали 801 замес, переработав 28 вагонов щебенки и песку и 50 тонн цемента. Теперь победа окончательно за ними. Разве можно побить такую цифру? Нет,

это невозможно. Теперь их никто не победит.

Но оказалось, что героизм комсомольцев способен преодолеть всякие препятствия. 24 июня Мовлев, посланный букеиром на Кремашстрой дал 835 замесов. Батальон побит. Меж тем уже не осталось места для бетонирования. Где же тут разгуляться?

— Почиваю шукати,—рассказывает мне Сидоренко. Он находит куски пола. Собрали батальон, решили приступить к работе и дали себе твердое задание 130 замесов в час. Сидоренко пошел к администрации и предъявил следующие требования:

- 1) 20 бадей,
- 2) 40 вагонов материалу,
- 3) материал должен лежать на расстоянии 10 метров.

Днем Сидоренко обнаружил, что все его требования не выполнены. Все же батальон приступил к работе. В первый час дали 128 замесов, во 2-й—131, и если бы требования Сидоренко были выполнены, то

батальон дал бы невероятную цифру,—1040 замесов. Но материал лежал далеко бадей нехватало, сорвался ролик, вызвал простой, и батальон дал 937.

И вот сегодня, сидя на крыше, Сидоренко жалуется:

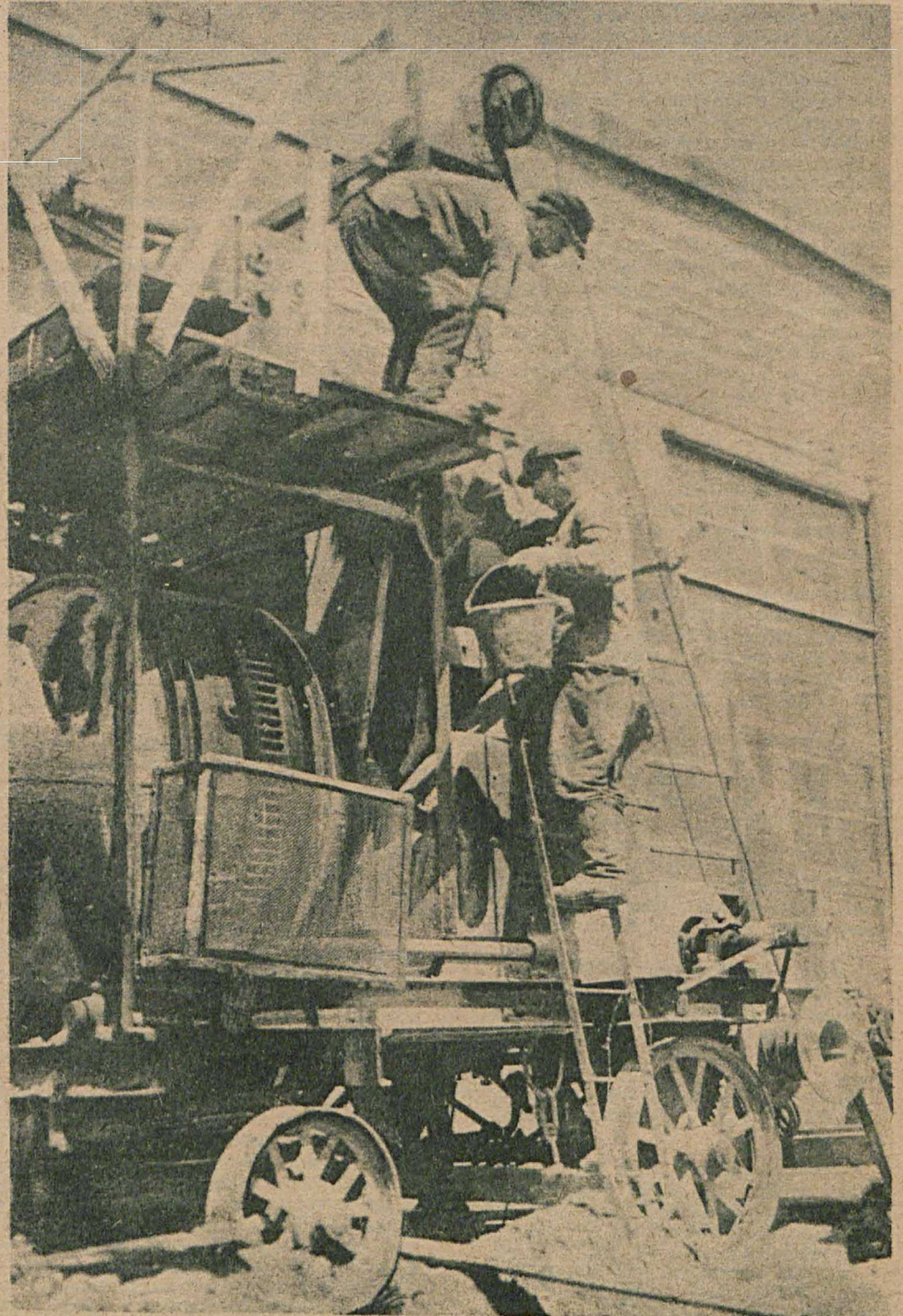
— Администрация подвела. Провалились мы...

Я смотрю на его упрямые космы, на отливающее бронзой лицо, ощущая в этом 20-летнем юноше непоколебимую волю, и думаю: „В какой бетеномешалке перемешали этих юношей, которые считают, что цифра 937 в смену—небывалая в истории бетонирования—это поражение?“

Через несколько дней возвращаясь с тракторного, Сидоренко идет со мной до автобуса.

— Призвать до нас, коли ми всі станемо металлiстами.

Под нашими ногами скользит липкая глина, тракторостроевская грязь. Теперь я уже не замечаю ее, я стараюсь шагать в ногу с Сидоренко.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БАТАЛЬОН ЗА РАБОТОЙ. Бетеномешалка типа „Кайзер“

Раф. Скоморовский

ДВИНУЛСЯ СУХОЙ ЛЕД

1 Он держал в руке кусок мела. Беспомощный маленький кусочек. Щербатый огрызок, сколок большого, гладкого, белоснежного бруса.

Таким куском пишут на школьных досках,

Но школьный мел мертв.

А этот вот дышит... А этот дымится...

— Как ты выдержишь? Ведь жжет здорово!

— Да неужели?

Не всегда прищуренные глаза обижают. Решительно протягиваю руку, и пальцы терпят в неожиданном холодке.

Парень смеется. Ему забавно удивление непосвященного, который ощупью познает окружающее: ожидал одного, наткнулся совсем на другое.

Парень смеется. Крепкий и широкоплечий, в синей с растегнутым воротом косоворотке, в упавшей на самую макушку тубетейке, он все время шурится не то от солнца и моей самокрутки, не то от сознания своего превосходства: „Приходи к нам... сам посмотришь, а я объясню. Конечно, если тебе интересно“.

2 Он нагнулся и поднял кусочек кокса.

— Видишь?

— Ну, кокс, вижу...

— Родной отец нашего мелка.

Я опять ничего не понял.

Право, он шутит и измывается над моей неосведомленностью, конечно, это не педагогический метод. Но откуда знать Писоцкому педагогике?

Он председатель завкома, и не изучал вовсе учительской тарбарщины. Он хорошо знает школу соцсоревнования, кривую выработки, провалы заводской столвки.

В педагогике он слаб, и вуз свой прошел здесь, на заводе, у варкинтоновского, жадного к дистиллированной воде, насоса, у скрубера, в котором омывают газ от серной скверны, у абсорбционных башен, по горло заваленных коксом.

Здесь его молодость.

Как и молодость Пархоменко, Непомнящего, Дуглянского. Как молодость главнижа Крижановского и Волкова.

Того самого.

Волков — самоучка. Ученик сельской двухклассной школы. Ватрак. Чернорабочий-строитель. Печатник. Заочник. Чекист. Парработник. Инженер. Журналист. Сотрудник академии. Техворук крепящего завода.

Короче, биография потомственного коммуниста. Короче, биография Волкова.

3 На страшной высоте, на доске-дугубке, вернее, прямо на воздухе, примостился клепальщик, — он крепит новую абсорбционную башню. Пятую. Советскую. Ровесницу нашей эпохи.

Башня крепко стоит на кирпичном постаменте. По ней ползет молот, сшивая металл.

Полдень дрожит от гомона; кажется, что здесь непрерывно сворачивают кровельные листы.

4 Надо быть талантливым кочегаром, чтобы не обжечь печь, — кокс слишком вкусное лакомство. А печь жадна и прожорлива, так бы и раскрыла ртище, так бы и съела всю гору.

Надо быть хладнокровным и строгим. Печь сопит и жалуется, и просит, а кочегар держит ее на пайке.

5 По трубам, в темноте, ощупью идет газ. Он только что родился. Возраст его исчисляется минутами.

— Видишь ли, — говорит Писоцкий, забыв о том, что покров труб не прозрачен, — видишь ли, это перегорел кокс и, значит, здесь идет непрерывный поток углекислоты. Но ей следует умыться...

В трубах плечом к плечу с углекислотой живет еще сера.

Трубы изогнулись, протаранили кирпичную стену, легли под открытым небом, и вот — фантастический умывальник, скруббер.

— Понял? — спрашивает предавкома и наступает на меня серыми веселыми глазами. — Мы сожгли кокс, как ты видел, он отдал газ и серу, которые пришли, первым делом, сюда. Здесь, — Писоцкий поднимает руки, словно хочет обхватить эту умывальную башню, — здесь, первым делом, сера отделяется, и углекислота сама по себе. Понял?*

Мне трудно. Не сразу поверишь в этот невидимый мир — кусочек переработанной угольной породы, клочок пламени...

Пламя исчезло, кокс превратился в пепел, и ценой двух смертей родилась углекислота.

6 — Нам нехватает тары. Баллонов у нас слишком мало, и завод встал перед альтернативой: или — или.

Волков спокоен и скуп.

Писоцкий, этот агитпроп и глашатай, атаковал цифрами и примерами, брал прямо за горло, глушил фактами и не задумываясь бросил меня в самую гущу далеко от привычного берега. Я захлебывался, а помощи не было, и даже за простой прозаческий газометр было куда труднее схватиться, чем за спасательный круг.

— Баллонов у нас чрезвычайно мало, — продолжал Волков, — следовательно... А тут кривая продукции — вверх. Например, в январе смена давала 86 баллонов углекислоты, в марте — 116, а теперь, в августе, за восемь часов цех выбрасывает 242 баллона. Много! Ну, на сегодня хватит тары, на завтра ее тоже хватит, а потом? Неужели из-за тары возвращаться к прадедам?

Он стоит крепко на земле, расставил ноги, чтобы еще тверже обосноваться, вложил руки в карманы пиджака, прищурился, словно через стекла очков не все одинаково четко видно.

— Отсутствие тары, — повторяет он, — мешает работать как следует.

— А были-б только баллоны! — перебивает его Писоцкий и потирает руки, точно чувствует на ладонях металлический холодок тяжелых, похожих на артиллерийский снаряд, сосудов.

7 Фотоаппарат шныряет по двору, забирается по лесенке на крышу, залезает в самую кочегарку, — все хочет пощупать, потрогать, ко всему пробует присмотреться.

Объектив привык не только к березовой роще в Пушкинском парке, не только к паркетной поверхности пруда, но здесь слишком уж скученно: почти толпой стоят чаны — не пройдешь, и выпарной аппарат загнан в угол.

Трудновато работать трехногому пронырливому существу — фотоаппарату; moistишь его, прилаживаешь, а теплообменитель никак не может стать в нужную позу.

8 Мы топчем тяжелую тень обогатительной башни. Над ней и над нами лежит небо. Закинешь голову, и кажется, голубизну поддерживают громады, в которых поташ и углекислота.

Раньше их было две, теперь их четыре, пятую еще обрабатывает клепальщик, а для шестой только-только уложили фундамент: завод растет.

Ему тесно на прокрустовом ложе — территория ладонью прикроешь, в дореформенных цехах не расправишь плеч, и лишь иностранец компрессор живет в светлой и просторной комнате. Но и его уплотнили: рядом, загнанный в угол, стоит новосел, сбитый руками затонцев аппарат по выработке сухого льда.

Сухого?

Льда?

Может быть, мела?

Нет, мел не дымит, не дышит, а белый густок дышит и дымит.

9 — Вот прочти, — говорит Писоцкий и протягивает газету.

И сам он, нетерпеливый, жадный, смотрит из-за моего плеча на тесные строчки петиции, точно не заучил, не запомнил еще лаконической, деловой заметки.

— Читай, читай, — дышит он над самым моим ухом, и я чувствую, как стучит, как воюет в реберной клетке сердце заводского агитпропщика.

„Сухой лед имеет огромное значение для многих отраслей промышленности, а главным образом при транспортировании продуктов. Испаряясь, он не оставляет влажности, благодаря чему не портятся вагоны, отсутствует грязь, нет мух. При транспортировании продуктов питания сухого льда нужно в 5–6 раз меньше, чем обыкновенного (по весу), кроме того менять его надо один раз на 10–13 дней, в то время как обыкновенный лед приходится менять каждые два дня. Кроме того, поставив производство сухого льда, завод сможет обойтись без импортных баллонов, тары, которая стоит очень дорого.“

„Работать над изобретением сухого льда на заводе им. Затонского начали два года тому назад, но за весь этот

период сделали очень мало, так как предыдущее оппортунистическое руководство завода недооценивало этого серьезного дела. После смены руководства над изобретением одновременно работали техдиректор завода инженер-коммунист тов. Волков-Верный и главный тов. Крижановский. Со временем выяснилось, что их выводы во многом совпадают, тт. Волков и Крижановский стали работать вместе и привлекли (в период изготовления необходимой аппаратуры) товарищей: мастера-коммуниста Пархоменко, токаря Непомнящего, инженера-выдвигателя Останенко, слесари Слущкого, мастера Двуглянского, зав. производством Мельника и др.

«Весь этот коллектив, рискуя жизнью во время работы у непроверенной аппаратуры, в ударном порядке закончил к 1 июля всю работу, и тов. Волков смог 1 июля повезти в Харьков в Укрхимоб'единение и ВСНХ готовый продукт, который не растаял в течение 6 дней.

«Президиум ВСНХ УССР и правление треста Укрхимоб'единение поставили немедленно расширить и реконструировать завод им. Затонского, чтобы увеличить на нем производство сухого льда, и разработать вопрос о сооружении большого завода».

10

Компрессор не устает. По его полостям течет газ: по капиллярам он проходит, будто кровь, и капилляры теплы, как человеческое тело.

...Три атмосферы.

И углекислота сжалась. Теперь к капилляру не дотронуться—обожжешься, и газ течет в холодильник. По лабиринту труб он движется вперед неуклонно, без усталости, ближе и ближе к цеху, в котором наполняют баллоны...

...Двадцать атмосфер.

И сильнее сжалась углекислота. Опять холодильник. И еще ближе цех, в котором ждет пустая тара.

...Шестьдесят атмосфер.

Углекислота сжалась до предела. Трубы

снова нагрелись. И газ ворвался в баллоны.

Но их не хватает. Их мало, непростоительно мало,—завод готов давать тридцать шесть баллонов в час, двести восемьдесят восемь в смену, восемьсот шестьдесят четыре в сутки.

11

Тщедушный и чумазый новосел примостился у самой стены. На сквозняке. У дверей. Деревянными ножками чуть-чуть прикасается к полу, словно стоит на цыпочках.

Он еще совсем молод. Но его знают,—младший в семье, любимейший, долгожданный. Пусть вырастет только! Тогда баллоны отойдут в прошлое, и углекислоту можно будет заворачивать в бумагу. Ну, например, как хлеб.

Волков рассказывает так, мимоходом, засыпая свои слова другими фактами. Он занят тем, чтобы развязать руки производству, и отставка металлических баллонов—только одно из средств раскрепощения.

— Мы предполагаем, что в ближайшем будущем сумеем развиться...

Отрывисто, коротко, и отвернулся.

Может быть, это просто-напросто непростительная, ненужная скромность... А может быть, в данном случае—неумение помечтать вслух...

12

Компрессор посапывает, потеет, и в полое тело нового аппарата прет газ.

Еще. Еще. Беспрерывным потоком.

Золотая стрелка дрожит на циферблате, мечется, констатирует силу давления, и тонкая, изогнутая воссоединительная трубка индивеет, обрастает ледяной коркой.

Охлажденный газ, сжатый под давлением шестидесяти атмосфер, поступает в конденсатор жидкой углекислоты и охлаждается при давлении в двадцать атмосфер до двадцати градусов ниже нуля.

Посредством особого вентиля разрежения углекислота по трубке, регулируемой соплом-диффузором, поступает в генератор; давление опять понижается, теперь до пяти и трех десятых атмосферы.

Температура минус пятьдесят семь.

и углекислота становится твердой.

Отсос испаряющегося газа обратно в компрессор, и твердый газ, твердая углекислота замораживается. Окончательно.

В окно врывается август, золотой, солнечный, пыльный. Он входит в распахнутые двери, обдаёт жаром. А на трубке— зима. А в аппарате— зима. Газ, рожденный из огня и кокса, газ, вскормленный поташом, воспитанный трубами, отвердевает.

— Вот подожди, — улыбается Писоцкий и крадучись, точно боится кого-то вслухнуть, подходит к аппарату. — Сейчас... сейчас... — Он нагибается и медленно отвинчивает дно.

Меловый брус падает на пол. Сухой лед. Он дымится.

13

...Из-под самого Сухума приходит к нам в Киев вагон персиков; вагон ждет паровоза и тоскует за Негорелым: пушистые, спелые персики—экспорт.

...Молочные фермы взбивают масло десятками пудов, — без опаски поезда принимают груз; и в Архангельске ломают хлеб, ба покрыт густым слоем привезенного из Фастова масла; вечность целую длится дорога, стучат буфера, вырастают раз'езды и полустанки, и густой замораживающий дымок окатывает лица.

Вагон полон груза и дыма. Вагон плетется в хвосте поезда, и все эти «восемь», «одиннадцать» и спальный бегут с версты на версту, к месту своего назначения.

Хорошо быть романтиком! Смотришь в окно, и начинает казаться, что сухой лед ворвался в небо и рассыпался там дымкой облаков, углекислотой.

...Ботаник изучает Арктику, не выходя из своей комнаты, — погрузил кленовый листок в густые испарения газа, и лист зачерствел, угас, вымерз.

...Хирург отстраняет хлороформ; лучше поднести белый скользкий брусок к ране и заморозить ее дымом.

Но обо всем сразу не вспомнишь, как не охватишь город с каланчи...

14

...Из генератора на плиточный пол выпал брусок. Это сухой лед, который дымится.

МЫ МОЛОТИМ ЛЕН

Стих. Ис. Зарубина

Лит.-ударник «Огонька»

Сказали: лен созрел.
Урожай, говорили, силен,
И на самой открытой заре
На ригу доставили лен.
Напомнили мне: береги ж
Высокую важность добычи.
Рядами встают
Треугольники крыш,
И утро встает, как обычно.
Оно подтянуло
Широкие ремни,
Оно осветило
Сухой потолок,
И в восемь часов по московскому времени
Мы разворачиваем обмолот.
И свежие кони притянуты к дышлам.
И дышла уругие скрыты в тени.
А кони шагают,
Тяжестью дышат,
Вращая
Отточенный круг шестерни.
Сухие снопы, проколовшие взор нам.
Головы звонкие
Вдрызг расщепили.
На босые ноги голые зерна
Скользят чешуей

В накрахмаленной пыли.
На честность работают кони ретивые.
Они понимают,
«Задача сильна».
Прибыли
Важные директивы
О сроках обмолота льна.
Что нам необходимо в течение
— Стольких-то дней
— Столько центнеров
Сдать семена
По месту назначения
В распоряжение областного центра.
Поэтому, вымерив час на мешки,
Движения рук необычно резки,
Поэтому
Шкив сегодня вращается
Ровно и веско.
И руки покренче,
И ноги резвее.
И лица
Открытые к бою.
Взломаченный сноп растяни и развей
Над барабанной губою.
Обед веселит,
Как обычно. Потом

Солнце прокиснет
И сядет пятном.
И свет фонари—
Заливная тропа,
Тропа пересохшего лета.
Мигают лохмотья густого снопа,
И кони ползут силуэтом.
И вечером поздним,
И вечером потным
Мы отсчитали
Последнюю сотню.
А кони усталые
Тянутся к дугу.
Они сослужили
Большую услугу.
Застыли немые
Круги барабана.
Но лен обмолочен,
Как сказано в плане.
Когда же отстиланный лен перемяли,—
Ребята ходили,
Ребята смеялись:
Вот эта девченка
Никак влюблена
В трезвую голову
Звонкого льна.

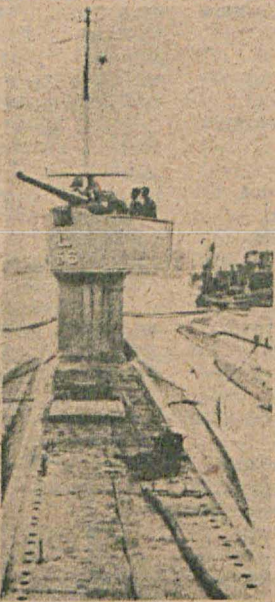
В Японии за закрытыми дверями. Совет Лиги наций, принявший за обсуждение японско-китайского конфликта, проводит свои заседания при закрытых дверях. На некоторые заседания совета Лиги наций не были приглашены делегаты Японии и Китая. Вообще говоря, западная пресса обращает внимание на изолиро-

военные парады и демонстрации по случаю девятой годовщины независимости Турции.

На снимке: стамбульские студенты на демонстрации.

Морские вооружения Англии. В Англии спущена на воду

субмарина „М-56“ новейшей конструкции. Главной особенностью этой подводной лодки является вращающаяся башня, на которой находится орудие.

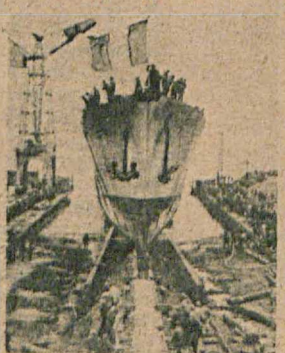
ванность китайского делегата Ши, с которым почти никто из участников сессии Лиги не совещался. На одном из последних заседаний Ши произнес краткую речь, в которой просил ускорить решение вопроса, указывая на то, что китайский народ страдает уже несколько месяцев. Американская газета „Чикаго трибун“ иронически указывает, что наряду с Лигой наций действует вторая лига в приемной американского посла Дауэса. По газетным сообщениям, американская форма резолюции сводится к предложению эвакуации японских войск без указания ее срока, с одновременным приступом к переговорам по спорным вопросам. Так или иначе, совет Лиги наций явно ищет „формулу компромисса“ в интересах Японии.

На снимке: китайский делегат Ши выходит после заседания из здания Лиги наций

Демонстрация мятых профсоюзом. Лидеры реформистской Американской федерации труда, ведя борьбу против растущего революционного движе-

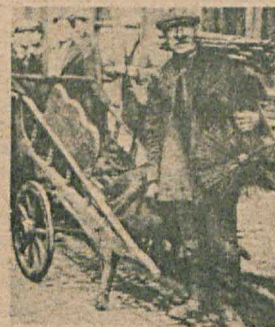
Французские империалисты не отстают. Соперничая в морских вооружениях с другими капиталистическими государствами, французские милитаристы строят новые боевые морские единицы. В Нанте спущен на воду новый истребитель „Кас-

сар“ и в Сен-Наваре другой истребитель „Майе-Брезе“ (см. снимок).

Английская „демократия“. Лондонская буржуазная печать отмечает разительный пример английского „демократизма“. Подумать только: городская община Ветналь Грин избрала своим мэром трубочиста Бру-

кса. Это ли не образец самой широкой демократии?! Лицемерно восхваляясь победой „духа равенства“, реакционная печать для большей иллюстративности помещает два снимка Брукса: один в наряде трубочиста, другой—

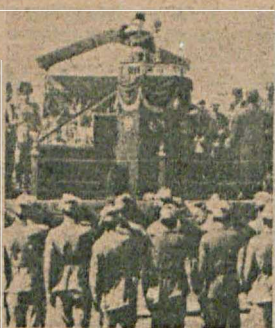
когда Брукс в регалиях мэра вступает в свою должность, держась за которую он должен

будет плясать под дудку буржуазии.

На снимках: вверху— Брукс-трубочист; внизу— Брукс-мэр.

Праздники независимости Афганистана. Афганский король

Надир-хан, свергший в свое время короля Аманулла, отпраздновал в Кабуле (столице Афганистана) независимость страны.

На снимке: Надир-хан принимает военный парад в день празднования независимости.

Чикагские безработные отстаивают свои права. В Чикаго, как и в других городах Сое-

диненных Штатов, происходит массовое выселение безработ-

ных из квартир. Выселение осуществляется нередко при помощи вооруженной силы— полиции или пожарных. В виде протеста против выселения чикагские безработные организовали крупную демонстрацию.

„Война“ на Корсике. Французская полиция под видом борьбы с многочисленными бандитскими шайками на Кор-

сике проводят форменную оккупацию, ложащуюся тяжелым бременем на корсиканское крестьянство. Разумеется, под видом борьбы с бандитами полиция ополчается против революционных элементов острова.

На снимке: французские полицейские с пулеметом и засаде.

Парад французского милитаризма. Французские милитаристы пользуются каждым удобным поводом для военной пропаганды среди широких

слоев мелкой буржуазии и отсталых рабочих. По поводу годовщины периметра в империалистическую войну в Париже состоялся парад у неизменного монумента милитаризма—могила неизвестного солдата.

На снимке: французские войска на военном параде у Триумфальной арки в Париже

Грамофонная пластинка наш свидетель. В берлинском суде слушалось дело по обвинению революционного поэта Эрха Вейнера в написании стихо-

творения кощупственного содержания и издателя Реслера, выпустившего в свет это стихотворение. На суде в качестве свидетеля фигурировала...грамофонная пластинка, на которой было записано

пикриманурированное Вейнером стихотворение. Вейнер был оправдан.

На снимке: заседание суда по делу Вейнера; Вейнер—крайний справа.

Тридцатилетие нобелевской премии. 10 декабря, в день смерти Альфреда Нобеля, исполняется тридцатая годов-

щина существования т. н. нобелевской премии. Оставленное Нобелем состояние, согласно его завещанию, хранится в банке, а получаемые ежегодно проценты обращаются на раздачу премий выдающимся деятелям в области физики, химии, медицины, литературы и работы на пользу мира. Нечего и говорить, что нобелевской премией награждаются по преимуществу буржуазные ученые и мыслители, не подрывающие основ капиталистического строя.

На снимке: основатель нобелевской премии Альфред Нобель.

Профессор Бергнус—лауреат нобелевской премии. Нобелевская премия по разделу химии за этот год присуждена немецким ученым Фридриху Бергнусу и профессору Карлу

Бошу. Имя профессора Бергнуса связано с интереснейшими опытами по превращению угля в жидкое состояние. В настоящее время профессор Бергнус работает в СССР в качестве иностранного специалиста.

Дом без дымовых труб. В Берлине на Маршлендорферштрассе выдвигается постройкой огромное здание по

проекту профессора Мейбса. Главной особенностью дома является отсутствие дымовых труб. Отопление дома и кухни производится исключительно электричеством.

ФОТО-ХРОНИКА

Группа делегатов на Всесоюзном слете юных друзей Автодора, состоявшемся 15 ноября в Москве

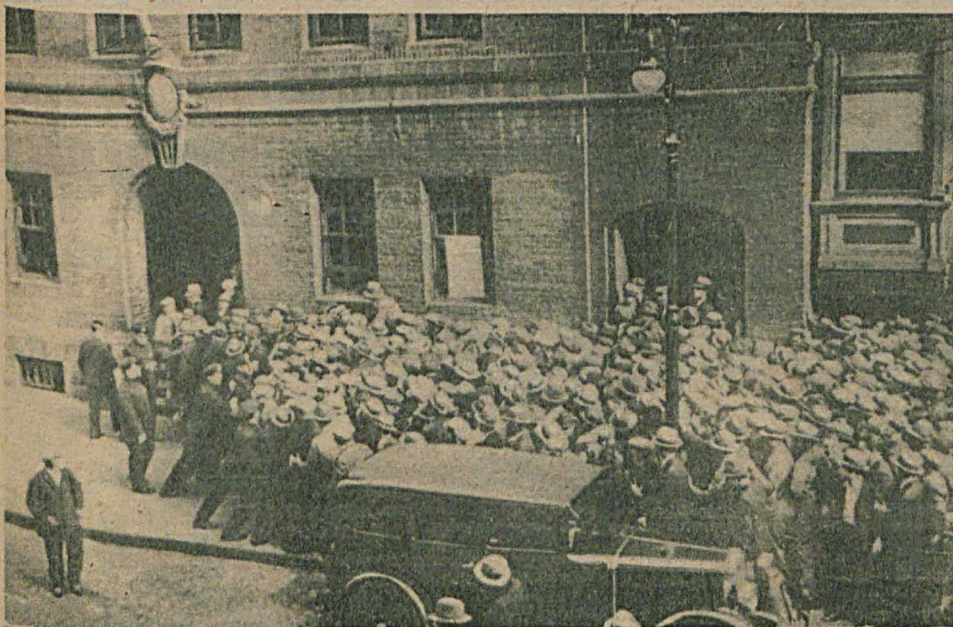
За военную учебу. Ученики ФЭС при заводе „Динамо“ занимаются в школьном кружке военной техники. На снимке: ученики ФЭС изучают винтовку

Японские интервенты хозяйничают в Манчжурии. На снимке: японский караул у здания арсенала в Мукдене

Новый французский посол в СССР. 23 ноября в Москве состоялось торжественное вручение верительных грамот председателю ЦИК СССР и ВЦИК тов. Калининну вновь назначенным французским послом в СССР графом Дежаном. На снимке, слева направо: гг. Литвинов, Калинин и французский посол граф Дежан

В стране доллар разрешают безработицу. Напуганное быстро растущим процессом революционизирования рабочих и безработных масс, правительство САСШ лихорадочно ищет выхода из создавшегося положения, установив систему краткосрочных работ. Система охватывает и тех „счастливых“, которые заняты в промышленности. На снимке: толпа безработных, явившаяся на перерегистрацию в одну из районных контор

Двенадцать лет НИМа. С каждым годом крепнет коммунистическое движение молодежи. В капиталистических странах КИМ привлекает к себе новые тысячи молодых рабочих, решительно порывающих с социал-фашистскими организациями. На снимке: берлинские комсомольцы вывешивают агит-плакаты, посвященные вербовочной кампании

Плакаты на стенах домов и афишных столбах Берлина напоминают на все лады о ноябрьских днях 1918 года. Как тринадцать лет назад, в дни, когда произошло крушение германской армии на фронте, пала монархия Гогенцоллернов и буржуазия, охваченная страхом и паникой, стала искать спасителей,—так и теперь со всех сторон выискиваются спасители Германии, обещающие выручить страну из ее бедствий.

Перед плакатами стоят толпы людей и читают надписи, отчасти от скуки, отчасти из любопытства. Берлинцы имеют теперь достаточно времени. Треть населения этого гигантского города состоит из безработных.

Вот плакат „антропософов“, пользовавшихся в послевоенное время вниманием кучки забесившихся интеллигентов. Вскоре они ушли в забвение, а теперь опять пытаются всплыть на поверхность мутного времени. Они объявляют в своем плакате, что в это „время всеобщего упадка“ только они одни могут указать путь к спасению. Теософы выстунают с конкурирующим плакатом, заявляя, что антропософы пользуются их разжиженной программой. Тут же висят плакаты десятка других сект и „реформаторов мира“. Одни обещают вечное блаженство, другие заявляют, что они нашли сенсационное средство для немедленного разрешения кризиса.

В этих плакатах и призывах как нельзя лучше находят себе яркое отражение черны у падка эпохи и заката капиталистической культуры и общества. Мелкие буржуа и интеллигенты, которые раньше тащились ч хвосте у буржуазии, оказались экономически беспочвенными, внутренне бессильными и духовно сбитыми с толку. Часть этих группировок увлечена якобы социалистической, а на деле фашистской демагогией, другая часть обратилась к теософам, ища спасения в мистицизме.

Среди гущи всех этих плакатов особенно выделяется один. На нем крупными буквами написано: „Революционный праздник“, и внизу—помельче—рассказывается о тринадцатой годовщине демократической республики.

„Революционный праздник“—эти слова привлекают внимание. Невольно приходит мысль: как это полиция разрешает такой плакат? Ведь в последнее время она конфискует все, что хотя бы в самой отдаленной степени напоминает о революции.

Тринадцатая годовщина демократической республики. Не легко осознать это. Что еще осталось от этой демократической республики с тех пор, как социал-демократия дала обещание установить строй процветания для всех и тем временем вооружала белогвардейские банды против спартаковцев?

Гинденбург — неограниченный самодержец. Голод и нищета царят над городами и деревнями. Нужда перешагнула границы печальных дней, непосредственно наступивших после окончания войны...

Во Дворце спорта, крупнейшем зале Берлина, происходит обещанный социал-демократией „революционный праздник“. Многочисленные полицейские отряды широким кольцом охватывают здание. Ведь в тринадцатую годовщину демократической республики социал-демократия живет в страхе и ужасе перед ее конкурентами, фашистскими бандами Гитлера, и больше всего опасается их выступлений.

Полицейские автомобили катят по улицам, военные оркестры проходят к зданию. Газетчики тут же продают последние выпуски, в которых сообщается, что в Берлине, Гамбурге, Кельне и многих других городах вспыхнули крупные забастовки.

Вход на праздник открыт для всех.

В былые годы социал-демократы в этот день созывали в разных частях Берлина десяток подобных собраний. В этом году все силы социал-демократов сконцентрированы здесь. В Берлине слыше четыре миллиона жителей. На плакатах обещаны всевозможные развлечения в виде музыки, пения, декламации и представлений, вход бесплатный, и все-таки среди четырех миллионов жителей находится немного людей, желающих праздновать тринадцатую годовщину республики.

Хорошо одетые и выхоленные люди, главным образом профсоюзные бюрократы, не знающие материальной нужды, чинно рассаживаются в зале об руку с их женами. Но большинство из них не торопится входить в здание.

Неожиданно полицейские вытягиваются в струнку. Социал-демократические чиновники исполняются благоговением.

— Зеверинг,—шепчет один другому на ухо,—вот он, его превосходительство, сам товарищ Зеверинг!

Снова вытягивается в струнку двойная линия полицейских. На этот раз появляется господин товарищ, полицей-президент Берлина.

Цилиндры, шелка,—дамы одеты по последней моде. Несколько пролетариев затесалось здесь, в зале, украшенном красными и черно-красно-золотыми флагами. Над трибуной президиума висит портрет палача германской революции и первого президента германской республики, портрет Фридриха Эберта.

„Революционный праздник“ начинается. Хор поет несколько сентиментальных песен в виде вступлений. Артист во фраке играет отрывок из пятой симфонии Бетховена. Дальше идут „революционные речи“.

Времена—тяжелые, враги не дремлют. Но... Тут внезапно несколько социал-демократов, а за ними полицейские бросаются на галерею. Все смотрят напряженно наверх. Что там случилось? Нет, это только недоразумение. Кто-то заговорил слишком громко, и социал-демократическим бозам показалось, что там издеваются над словами ораторов.

Праздник продолжается. Социал-демократический вождь рассказывает, как трудно приходилось во время войны, но социал-демократия объединенными силами преобразовала феодальную монархию в социальную республику. Эта социальная республика...

...„которая высасывает наш мозг!“ звучит с галереи,—„которая низвергает рабочий класс Германии в нищету... тысячи томятся в тюрьмах фашизма“...

Поднимается невообразимый шум, дикий хаос. Полиция и профбюрократы бросаются на галерею. Колокольчик председателя звенит неумоимо. В воздухе мелькают резиновые палки и стулья.

— Большевик... большевик.

— Народу нужна еще плетка, он не созрел для демократической республики,—кричит кто-то на весь зал.

— Пропал новый цилиндр,—жалуется другой участник „праздника“, поднимая с пола помятую шляпу.

Через полчаса порядок был восстановлен. Полиция произвела десяток арестов, и праздник по случаю тринадцатой годовщины германской республики продолжался как ни в чем не бывало.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА ДАТСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

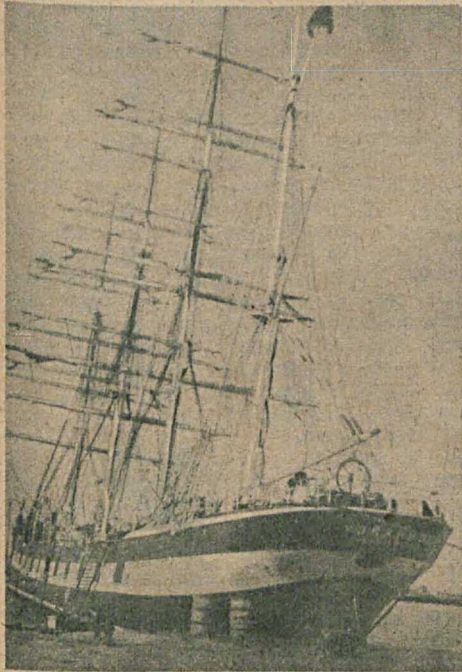

В Дании вследствие углубления кризиса и роста безработицы наблюдается дальнейший подъем революционного движения. Массы рабочих все больше отходят от реформистского руководства и переходят к коммунистам, как к единственной партии, действительно защищающей их интересы. На сцене: демонстрация революционных рабочих в день открытия датского парламента. Демонстрация проведена под руководством компартии и под революционными лозунгами борьбы с капиталистической рационализацией, безработицей и полицейским террором

В раскрытый иллюминатор хлещет вода. Неплотно притворенная дверь каюты то отойдет, то грохнет о раму. Вверху над головой раздается неумолчная дробь босяк пятков—моют палубу.

Срываюсь с койки и из душной каюты выбираюсь на волну. Слепит глаза солнце, слепит глаза расплавленное серебро моря. Прищипоренное свежим ветром судно кренит на борт, идем бейдевинд.

После тягостных дней штילה корабль ожил. Бессильно висевшие паруса наполнились ветром, округлились, приобрели скульптурный рельеф. Судно изогнулось,

„Товарищ“ на стоянке

завертелся маховик лага, отсчитывающего пройденный путь, по корме пенисто обозначилась кильватерная струя.

Не узнать и людей. Смолкли иронические разговоры: „Вот-те и плавание под парусами. В порту—ветер, из порта—штиль“.

Семь часов утра. Туалет судна почти закончен. „Скатана“ падуба. Горит до жара

начищенная кирпичом медь компасов. Стрелка часов в капитанской рубке завершает свой восьмой оборот по кругу. Влизится торжественный момент в жизни морского судна.

На мостике с хронометром в руках старший помощник капитана Мезенцев. Еще десять минут, еще пять минут... Минута. Мезенцев подносит ко рту рупор.

— На флаг... смирно!

Все замирает на судне. Руки по швам. Средоточенное молчание.

— Флаг поднять!

Склянки бьют восемь... Рокочут фанфары. Медленно движется вверх флаг Союза Советов. Тишина...

...Снова рокочут фанфары. Отбой. Падуба как-то вдруг на-

полняется шумом и движением. День на „Товарище“ начался. Сто сорок молодых ненасытных существ-бегом мчатся в столовую—140 будущих командиров советского гражданского флота.

Полчаса пищевой „зарядки“. А затем по отделениям—теоретические занятия, вахта, вся прочая многообразная судовая работа, от чистки картофеля до сложных манипуляций с секстаном включительно.

Вплотную загруженные учебой и работами движутся тугие часы трудового дня. Восемь... С половиной... Девять... С половиной... Десять... С половиной...—чеканят склянки на мостике. И вавстречу им откликается степенно и нежно баковый колокол.

* * *

...РУП/С „Товарищ“—читай:

„Рабоче-учебное парусное судно „Товарищ“ совершает свой третий и последний в нынешнюю навигацию рейс. В первом майском плавании „Товарищ“, выйдя из Одессы, где он стоял на зимовке, посетил Батум и Феодосию и вернулся в Одессу. Во втором плавании, в июне-июле-августе, „Товарищ“ побывал в Новороссийске, Геленджике, Анапе и Феодосии. И сейчас—последний рейс: Одесса—Батум—Одесса. За плечами—3.385 пройденных миль. На 70 процентов больше намеченного по плану. Все под парусами, ибо наш парусник „не искалеченный“ никакой „пыхтелкой“, как презрительно именуют механический двигатель моряки, плавающие на парусных судах.

Совсем еще недавно—всего лишь два года тому назад,—к „Товарищу“ было приковано внимание всей советской печати. Это было время первого заграничного плавания „Товарища“. Парусник переплыл Атлантический океан, дважды пересек экватор, успешно завершил возложенные на него задачи и возвратился в родные советские воды. Фото-репортеры, кино-репортеры, просто репортеры далеко разнесли тогда весть о „Товарище“. Но и сейчас плавающий в рамках Черноморского ба-

щей высокую миссию не только практической подготовки, но и проверки на деле, в обстановке сурового и продолжительного парусного плавания, пригодности

Ольга Петрова—будущий штурман (ученица Ленинградского морского техникума).

будущего судоводителя к избранному им роду деятельности.

И с этой точки зрения пятимесячное плавание на „Товарище“ является широко задуманной психотехнической операцией, имеющей целью еще до начала теоретической учебы в морской школе дать всестороннюю оценку той человеческой руде, из которой в дальнейшем будут выплавляться командные кадры советского торгового флота...

* * *

...Шестнадцать... С половиной... Семнадцать...—отчеканивают склянки на мостике. Колокол с бака, минутку помедлив, подтверждает: „Да—да! Да—да!“

Солнце на песте. Все ниже спадает отжелевший червонный диск. Вот он коснулся отточенным краем черты, где море уходит от неба, и еще послешнее стал скрываться с глаз. Вахтенный помощник с Цейссом в руках „ловит“ полный закат. Вот только узенький сегмент.

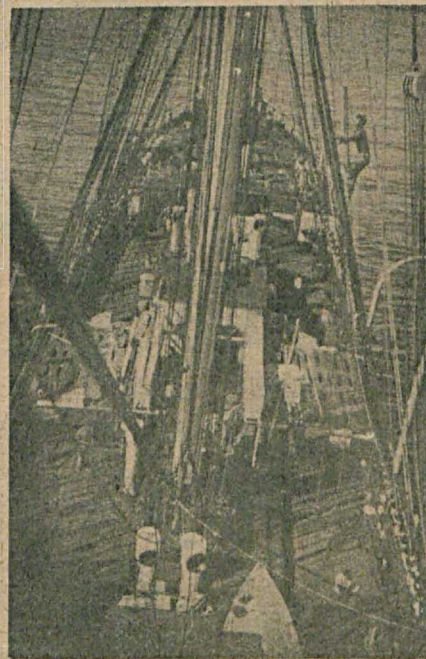
И слова несутся раздельно и четко слова команды.

— На флаг... смирно. Флаг опустить... По правому борту зажгется зеленый огонь, по левому—красный, на корме—белый.

На „Товарище“—ночь.

У компаса

На вантах

сейна „Товарищ“ заслуживает не меньшего внимания.

„Товарищ“, если не считать его младшей сестры „Веги“, является единственной пловучей школой, выполняю-

скрываться с глаз. Вахтенный помощник с Цейссом в руках „ловит“ полный закат. Вот только узенький сегмент.

И слова несутся раздельно и четко слова команды.

— На флаг... смирно. Флаг опустить... По правому борту зажгется зеленый огонь, по левому—красный, на корме—белый.

На „Товарище“—ночь.

На литдекадниках „Огонька“

Литдекадники „Огонька“ проходят оживленно. Собирается обычно 18—20 членов актива. Попреежнему читают свои вещи. Обычно успевают прочесть и обсудить 5-6 стихотворений или отрывков из поэм и одну-две прозаические вещи. Прозаиков, как и раньше, немного. Господствует, как и в первые месяцы существования актива,—поэт. В „Библиотеке Огонек“ готовится к печати и вскоре выйдет в свет сборник стихотворений членов актива—стихи Н. Васильева, Я. Смелякова, Л. Опанина, И. Зарубина, В. Павлова, А. Филипчака, С. Подделкова, Ф. Морозова, А. Кудряшова, А. Шейдлина, Е. Цыгальниченко. Намечены две книжки стихов—т. Смелякова и Зарубина (из творчества других коллективов—выйдет сборник ударников-поэтов завода им. Ильича тт. Бессонова, Рабиновича, затем сборник красноармейцев-ударников).

Следует отметить, что связь актива литударников „Огонька“ с другими активами рабочих ударников не очень налажена.

Правда, актив „Огонька“ посетили товарищи с завода имени Ленсе, читали свои вещи, но этим дело и ограничилось. Необходимо наладить регулярные творческие встречи с лепсенцами и литударниками других заводов. На заводе № 20 читали свои стихи члены актива „Огонька“—т. Смеляков, Зарубин, Опанин и Писелов. Организована встреча с кружком завода им. Ильича, намечена встреча с литактивным ударников журнала „30 дней“. Но все же этого недостаточно. Повидимому, встречи литударников надо будет проводить не каждые 10 дней, а каждые 5 дней, причем чередовать выезды на заводы с занятиями в редакции „Огонька“.

Занятия на последних декадниках состояли из чтения новых вещей членов актива, ознакомления с творчеством вновь вступивших в актив, обсуждения некоторых стихотворений, напечатанных в „Огоньке“, работ, предложенных „Огоньку“, и т. д. На одном из декадников читал свои стихи поэт С. Кирсанов. (Несколько раньше был разбор новой поэмы Джека Алтаузена). Доклад о творчестве С. Кирсанова сделал член литактива Смеляков. Творчество Кирсанова в докладе, обильных прениях и широком ответном слове поэта было подробно обсуждено. Были выявлены слабые стороны творчества Кирсанова, а также отмечены его достоинства.

На одном из декадников был сделан такой опыт. Читались стихи известного

поэта, имя которого, однако, не называлось. Актив обсуждал эти стихи (оказавшиеся стихами Н. Тихонова), а затем имя автора было названо. Начала работать секция актива по очерку и фельетону (под руководством Мих. Кольцова). Члены актива работают далеко не одинаково продуктивно. Некоторые (напр. т. Гильман) перестают писать после первого критического разбора их вещей. Это совершенно неправильное отношение к товарищеской критике. В частности, тот же т. Гильман обещал заново переделать свою вещь, подвергнутую подробному, обсуждению, но прошло уже много времени, а он на активе не выступает.

Очень слабо идет работа по изображению героев пятилетки.

В целях более глубокого ознакомления с работой лучших бригад на активе был обсужден и принят метод днепростроевца т. Башмака, заключающийся в том, что литударник сам включается в работу заинтересовавшей его бригады, регулярно проводит в ней определенное время и изо дня в день ведет записи. Он имеет, таким образом, возможность видеть самый процесс образования героя пятилетки, его рост на труде. Часть членов актива записалась в бригады, но пока не только творческих вещей, но даже записей никто из актива не читал. Вопрос о работе с бригадами необходимо вновь поставить и в разрешение его ввести плановость.

У некоторых членов актива наблюдается своеобразное „нетерпение“. Они очень быстро пишут, а главное, торопятся читать только что написанные вещи. У них в малой степени развиты потребности „вынашивать“ свои вещи, т. е. обдумывать, проверять и т. д. С одной стороны, очень хорошо, что члены актива читают друг другу отрывки, часто черновые, и делаются замыслами. Но, с другой, следовало бы выступать с вещами, более или менее законченными. Здесь следовало бы систематизировать работу, разделить занятия на два типа: во-первых, лабораторной работы,—тогда критика и высказывание мнений должны вестись в особом тоне,—и во-вторых, открытой, развернутой

критики—в отношении вещей, о которых автор заявляет, что они более или менее закончены.

Следует отметить, что квалификация критических оценок актива неуклонно поднимается. Члены актива в прениях энергично борются с поверхностным и безответственным высказыванием мнений, бездоказательностью, огульностью и т. д.

У членов актива увеличивается интерес к редакционной работе. Редакция „Огонька“ перешла в актив для обсуждения литературные материалы не только рабочих-ударников, но и работы других авторов. Рукописи передаются для ознакомления двойкам, тройкам, а также и отдельным членам актива.

В ближайшее время актив приступает к организации творческого общения с литударниками наименьшинств. В частности,

члены актива будут переводить произведения рабочих-ударников, представителей наименьшинств, а те будут в свою очередь переводить московских. Хорошо было бы такую же творческую связь попытаться наладить с молодыми рабочими писателями Запада—через МОРИ.

К сожалению, нельзя сказать, что члены актива серьезно изучают литературу, знакомятся с отдельными ее областями или хотя бы много читают. Общее впечатление, что читают мало, вернее, что чтение ограничивается просмотром только наиболее популярных литературных изданий.

Литударникам необходимо более тщательно знакомиться с современной литературой и, в частности, комсомольской. Хорошо было бы устраивать специальные собрания хотя бы раз в месяц—для обмена мнений, информации, что прочитано, произвел наибольшее впечатление и т. д. О книгах или отдельных произведениях, наиболее заинтересовавших ударников, можно будет организовать специальные беседы критиков и литературоведов.

На литактиве стоит вопрос об учебе. Предполагается ввести регулярный курс лекций по вопросам марксистского литературоведения. Окончательно этот вопрос будет решен на секретариате РАШПа 29 ноября, где вообще будут разработаны для всех литобъединений при журналах и газетах, стоящих на мапповских позициях—программы.

Я. Смеляков

Ф. Морозов

А. Филичук

Ис. Зарубин

В 1932 году подписчики журналов „Огонек“ и „Рост“ получают приложением 24 иллюстрированные книги произведений мировой художественной литературы, под редакцией и со вступительной статьей М. ГОРЬКОГО „История молодого человека XIX столетия“.

В эту библиотеку войдут произведения: **СТЕНДАЛЯ**, Бенин, **КОНСТАНА**, **ШАТОБРИАНА**, **ФОСКОЛО**, **ВАЛЕРА**, **ГЕТЕ**, **БАЛЬЗАНА**, **МЮССЕ**, **СЕНИЕВИЧА**, **БУРНЕ**, **БУЛЬВЕР-ЛИТТОНА**, **ЛЕРМОНТОВА**, **ТУРГЕНЕВА**, **ПОМЯЛОВСКОГО**, **СЛЕПЦОВА**.

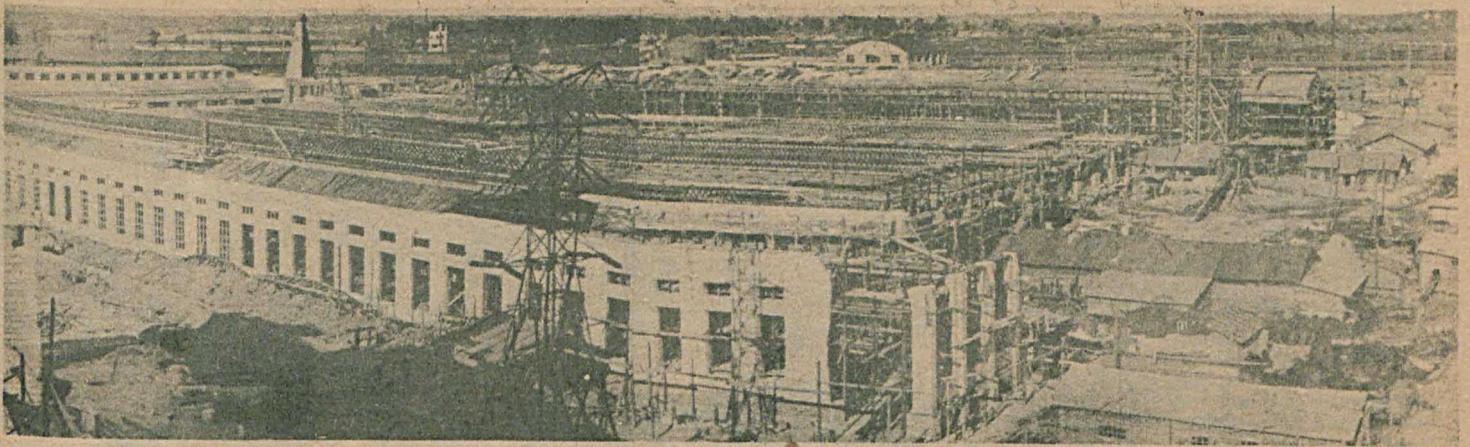
Издание будет иллюстрировано лучшими художниками-графиками.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА „ОГОНЕК“ (выходит три раза в месяц) с приложением 24 книг „История молодого человека XIX столетия“—год 19 р.

„РОСТ“ (выходит два раза в месяц) с приложением 24 книг „История молодого человека XIX столетия“—19 р.

Допускается раскромки на 1/1, 1/III, 1/V, 1/VII—по 4 р. 75 к.

Всем подписчикам, уплатившим все взносы полностью, бесплатная премия—иллюстрированный альбом „МОСКВА“. Подписка принимается только почтой не позже установленного ею срока.

Общий вид строительства завода станков и инструментов „Фрезер“

Очерк руководителя треста „Строитель“ А. Н. ПРОКОФЬЕВА

СТРОИТЬ ДЕШЕВО И ПРОЧНО

В период социалистической реконструкции вопрос как строить, какими методами сооружать наши заводы-гиганты, является актуальнейшим вопросом строительной техники. Методы производства строительных работ определяют экономику, темпы и качество воздвигаемых сооружений. Всякое нововведение, внесенное в строительную технику даже с ничтожным процентом экономии в деньгах или во времени—может дать огромный эффект, если его распространить в грандиозном нашем строительстве. Мы, однако, до сих пор еще не научились строить действительно дешево, быстро и прочно. Еще не уничтожили злейшего врага строительства—сезонность работ и не порвали окончательно с дедовскими кустарными производственными методами.

Партия и правительство не раз указывали в своих директивах пути и способы к переводу строительства на новые рельсы, но косность, консерватизм и неповоротливость строителей мешали производству пойти по этим путям. Одним из главных является *пути индустриализации строительства*, т. е. создание на постройке фабрично-заводских методов производства работ. В основном это сводится к тому, чтобы на строительной площадке наши заводы-гиганты не строились, а собирались (подобно сборке машин) из отдельных элементов, заранее приготовленных на строительных заводах. Такой способ ведения работ дает положительный эффект: снижает стоимость зданий, повышает темпы работ, улучшает их качество, уничтожает сезонность, уменьшает потребность в материале в работе и техперсонале.

Большинство наших заводов и фабрик воздвигается из железобетона, т. е. материала, состоящего из железного каркаса, залитого бетоном. Железобетон мыслится до сих пор как материал обязательно литой, монолитный в пределах всего заводского корпуса, т. е. мыслится, чтобы здание имело вид целой литой коробки. Но усилиями треста „Строитель“ и молодых советских инженеров удалось доказать возможность сооружений заводской коробки из отдельных железобетонных элементов, собираемых на месте так же, как собирается машина или станок. Вначале этому полезному нововведению пришлось столкнуться и выдержать большую борьбу с косностью строи-

тельных заправил, утверждавших невозможность сооружения тяжелых заводских зданий из сборных железобетонных конструкций. Борьба была упорная и жесткая. В пределах Московской области эту борьбу возглавил трест промышленного строительства „Строитель“ МОСНХ, построивший три завода-гиганта из сборных железобетонных конструкций.

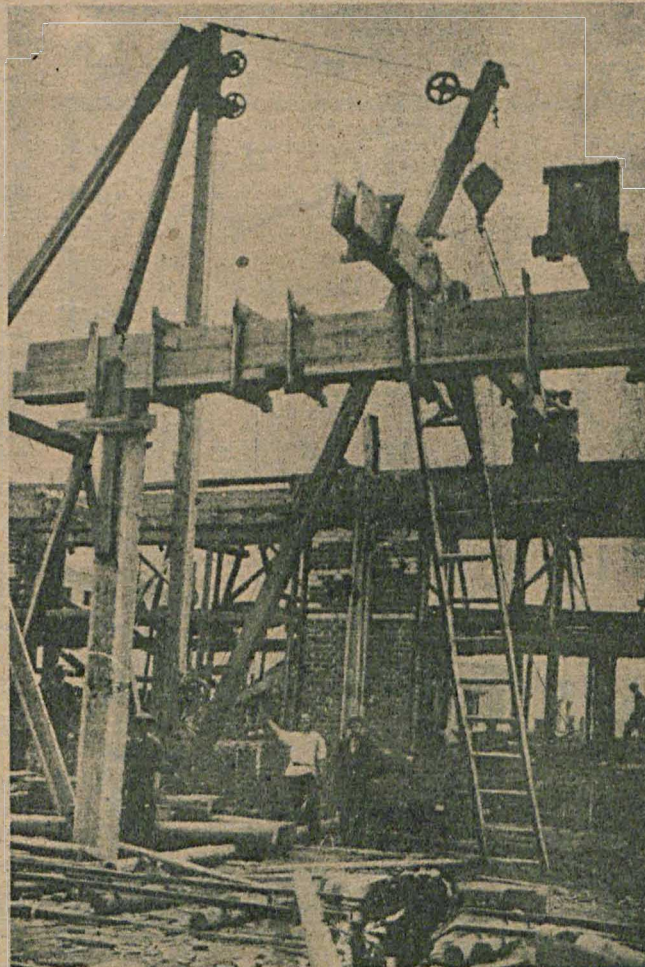
1. *Велозавод.* Завод построен в Москве с производительностью в 120.000 велосипедов в год в одну смену. Основная конструкция завода—железобетонный каркас с железобетонными световыми фонарями: стены из плакобетонного камня. Оконные переплеты железобетонные. Начало постройки велозавода совпало с периодом (1929-30 г.) развития идеи сборности зда-

ний, вследствие чего основные конструкции его были запроектированы сборными лишь наполовину. Сборные железобетонные балки и фонари изготовлялись на стройзаводе того же треста „Строитель“ и привозились в виде отдельных элементов на постройку. Всего было изготовлено 2.000 штук балок и 15.000 железобетонных горбылей.

Сборка конструкций производилась подъемным краном системы „Кайзер“, который передвигался по рельсам, а балки подвозились к крану на вагонетках по узкоколейному пути. Железобетонные фонарные горбыли были настолько легки, что без труда поднимались наверх вручную и собирались там в фонарь с помощью болтов.

Таким образом, в то время, когда на строительной площадке велась одна часть работы, другая выполнялась параллельно на стройзаводе, что ускоряло темпы работ почти вдвое. Кроме того, если бы сборные балки были монолитными, то потребовалось бы лесоматериала в десять раз больше, т. к. при отдельном изготовлении сборных балок на стройзаводе опалубка (форма), в которой заливается бетон, оборачивается около 15 раз, в то время как при монолите 2-3 раза. Далее, при сборных балках совершенно не нужно лесов из бревен, обычно поддерживающих опалубку монолитного бетона. Естественно, что и рабочей силы для сборных балок потребовалось значительно меньше, чем при монолитных балках. Качество бетона повысилось, вследствие удобства бетонных работ на стройзаводе, где сборные балки изготовлялись на земле при тщательном контроле за бетонными работами. Железобетонные сборные световые фонари, примененные впервые в СССР на велозаводе, состоят из отдельных железобетонных горбыльков, собираемых в стыке при помощи болтов и заливаемых бетоном в фонарной стенке. Такие фонари дают огромный экономический эффект, т. к. заменяют остродефицитные железные горбыли. С технической стороны они имеют преимущество перед железными—они более огнестойки, не ржавеют и не требуют периодической окраски.

При постройке велозавода, вследствие применения сборных конструкций, трест „Строитель“ добился: повышения скорости производства работ, улучшения качества основного материала, уменьшения потребности в рабочей силе и,

Завод „Наамбр“. Момент сборки конструкции кустарным подъемным краном

наконец, достиг огромной экономии лесоматериалов.

2. Заводы „Фрезер“ и „Калибр“. „Фрезер“ должен выпускать режущие инструменты, требующиеся для машиностроения и металлообработки, всего ежегодно на сумму 30 млн. рублей. Вся стоимость сооружения завода определяется около 25 млн. рублей.

Главный и ремонтно-инструментальный корпуса построены исключительно из сборных железобетонных конструкций.

Следует подчеркнуть, что ремонтно-инструментальный корпус был построен зимой. Сначала в небольшом тепляке были изготовлены отдельные элементы зданий (балки, колонны) и затем зимой же собраны кустарным подъемным краном, который был изготовлен на самой постройке. Таким образом, зимний период был использован полностью. Элементы для главного корпуса изготовлились весной и сборка их производилась в летнее время подъемным краном „Кайзер“.

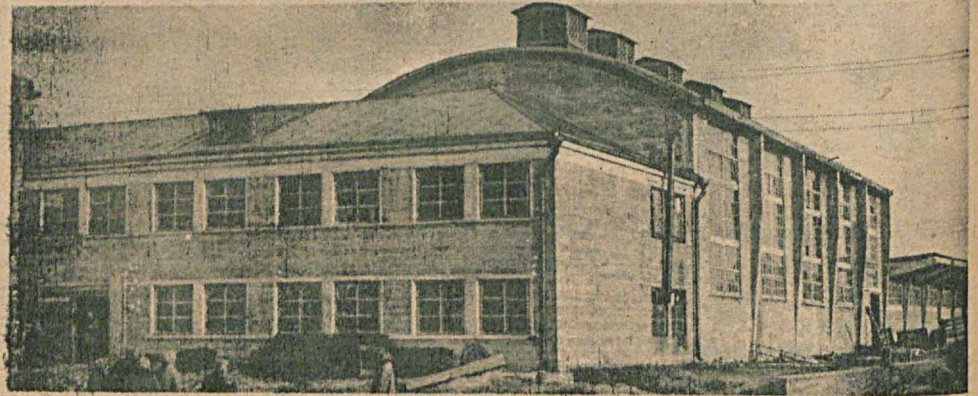
Завод „Фрезер“ построен в намеченный срок только потому, что основные его корпуса были сборной конструкции. В то время, когда землекопы еще не приступили к копанью рвов и котлованов,—на отдельных площадях, не мешая развешиванию земляных работ, уже изготовлялись железобетонные элементы корпуса. Затем по следам землекопов проезжал кран „Кайзера“, поднимая подвешенные элементы и собирая готовое, выдержанное здание. Здесь не было ни „тайги“ лесов (обычной картины наших строек), ни громоздкого сплетения опалубки, ни огромного числа рабочих, ибо за них работал подъемный кран. Без всякого преувеличения можно утверждать, что если бы завод „Фрезер“ строили

монолитным, то он не был бы построен в 1931 г.

Вслед за „Фрезером“ сборные железобетонные конструкции были применены в таком же масштабе на заводе „Калибр“. На этом заводе будут изготовляться контрольные и измерительные инструменты. Полная стоимость сооружения завода—около 27 млн. рублей. Здесь были сооружены два больших корпуса—заготовительный и ремонтно-инструментальный, причем

Все достижения по заводу „Фрезер“ имелись налицо и на заводе „Калибр“. Быстрые темпы работ, огромная экономия на лесоматериале, рабсиле и цементе, повышение качества работ, использование полностью зимы,—вот что характеризует строительство „Калибра“.

На опыте сооружения трех гигантов из „518“ трест „Строитель“ доказал выгоду применения железобетонных сборных конструкций в заводских зданиях. В даль-

Главный корпус завода

борность их была доведена до 100 проц. Для ремонтно-инструментального корпуса все сборные элементы были изготовлены на стройзаводе за зиму и весной доставлены на постройку. Все работы по заготовительному корпусу были начаты и закончены в одно лето 1931 г., главным образом благодаря применению индустриальных методов производства.

нейшем, используя полученный опыт для уничтожения замеченных ошибок, работники „Строителя“ ведут большую работу по внедрению индустриальных методов в строительном производстве широкого масштаба.

А. Прокофьев

ВЗГЛЯНУВ НА КАРТУ...

Наша карта Китая достаточно испещрена черными пятнами. Более подходящим был бы красный цвет, ибо пятна эти означают те районы, где китайским красным армиям удалось при поддержке

трудящихся масс установить власть рабоче-крестьянских советов.

Они разбросаны по самым различным провинциям Китайской республики: мы находим их и в

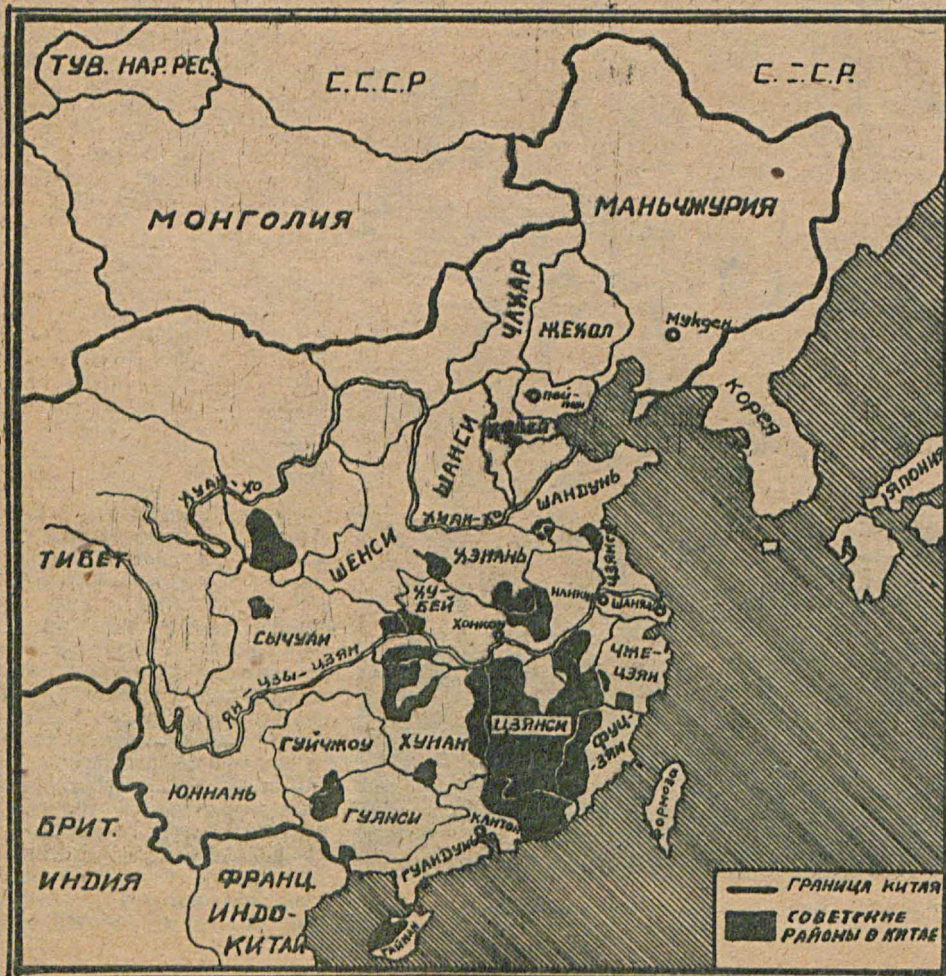
отдаленных окраинах северо-запада Китая; в Сычуане и Ганьсу, на пороге оторванного и от западной, и от китайской цивилизации Тибета; они возникают в провинции Гуаньси, на самой границе французского Индо-Китая, и ведут борьбу не только с местными китайскими властями, но и с карательными экспедициями, которые управляют французскими империалистами; в центре Китая они обосновываются в провинциях Хунань и Хубей, угрожая Ханькоу, забравшись выше на север, в Хенань, и на северо-восток в провинцию Шандунь, а в провинции Аньхой они ведут борьбу за существование чуть ли не под стенами Нанкина, где находится правительство Чан Кай-ши. Но центр советского Китая находится в провинции Цзяньси с пограничными уездами провинций Хунань, Фуцзянь и Гуандунь.

Само собой разумеется, что часть этих районов—особенно в провинциях Шандунь, Аньхой и Хенань—не может быть прочно освоена красными армиями, ибо там слишком много правительственных войск. Здесь борьба носит партизанский характер, в связи с чем и география советских районов там представляется изменчивой.

Иное дело Цзяньси. Здесь до 30 млн. трудящихся уже около двух лет живут в условиях советского режима. Нанкинское правительство там с трудом удерживается в нескольких крупных городах, которые являются как бы островками в советском море. Все попытки Чан Кай-ши выбить оттуда красные войска кончались неудачей. Полным провалом кончилась и наступление 350-тысячной армии нанкинцев в сентябре. После первых успехов войска Чан Кай-ши должны были отступить с большими потерями, причем красные армии не только сохранили свои позиции, но и сумели сомкнуть советские районы в ряде мест, где их разделили прослойки правительственных войск.

В Цзяньси в значительной степени кажит уже партизанский этап за советскую власть. Трудящиеся массы там успели уже оценить то значение, которое имеют для них советы. Место лавочников и спекулянтов заняли кооперативы; уничтожена власть помещиков и кулаков, и земля перешла в трудовое землепользование; нет поборов солдатчины и чиновничества; построен ряд новых школ, яслей и больниц; закрыты курьезы опиума и игорные притоны. И не мудрено, что красные армии одерживают верх над превосходными силами нанкинского правительства—население поддерживает их, чем может, и распространяет глас и пути сообщения правительственных войск.

7 ноября, в день годовщины Октябрьской революции, в Китае открылся Съезд китайских советов, в котором приняли участие представители всех районов, где советская власть уже устала корни. Задача съезда—создать центральное правительство Советского Китая, которое одно только может освободить 400-миллионное трудящееся население Китая от ига империалистов и их гоминдановских пособников.

Представитель подшефного театру колхоза Восточно-Сибирского края, тов. Саламатов, выступает с приветствием

ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ ВАХТАНГОВЦЕВ

Десять лет работы вахтанговского театра, его биография, начавшаяся спектаклем „Чудо святого Антония“ в 3-й студии МХАТа—до недавнего торжества в театре на Арбате,—это биография роста, превращения небольшой талантливой интеллигентской творческой группы в большой, хорошо слаженный коллектив. „Вахтанговцы“ популярны у рабочего зрителя. Адреса, приветствия, трубы подшефной красноармейской части, салатовавшие театру, и такие „материальные“ доказательства симпатии зрителей, как повиошая над зрительным залом модель дирижабля, дар подшефного театру завода „Каучук“, и пропеллер, поднесенный одной из авиачастей,—все это свидетельство успешной советской работы театра. Об этом 13 ноября, во время юбилейного спектакля „Турандот“ (в который были смонтированы отрывки всех пьес десятилетия), красно-речиво говорили и делегат Кузнецкстроя, куда театр совершил поездку летом, и случайно оказавшийся в Москве колхозник из тайги, где побывал театр, и делегатка из грядущего—пионерка с красным галстуком. Несомненно, что тов. А. Бубнов, народный комиссар по просвещению, формулировал отношение всей советской общественности, говоря в своем приветствии (напечатанном в „Известиях“) об умении театра имени Вахтангова „все более и более безраздельно ставить художественное мастерство коллектива на службу пролетарской революции, что выдвигает театр Вахтангова в авангардную колонну советского искусства, как части великого движения, направленного на построение социалистической культуры“.

Театр основан замечательным режиссером Евгением Вагратионовичем Вахтанговым. Вахтангов вышел из школы Станиславского, но внес в систему учителя такие существенные изменения, что его можно считать вполне самостоятельным мастером. Революция заговорила в творчестве Вахтангова. Он не только почувствовал ее инстинктом художника, но и многое понял. И поняв, звал других: „Все старое кончилось навсегда. Умирают цари, не вернутся помещики, не вернутся капиталы, не будет фабрикантов. Надо же понять, что со всем этим покончено“. И раз изменилась жизнь—искусство, не являющееся для Вахтангова самоцелью, не должно от жизни отставать. Нельзя больше работать так, как мы работали до сих пор. Нельзя продолжать заниматься искусством для собственного удовольствия. У нас слишком душно. Выставьте окна. Пусть войдет сюда свежий воздух, пусть войдет сюда жизнь. Не надо бояться жизни, мы должны идти вместе с жизнью“.

Не об оберегании академических традиций говорил Вахтангов. Он почувствовал себя бойцом, и в борьбе нового со старым, в борьбе „сегодня“ и „завтра“ Вахтангов оказался со строителями новой жизни.

Многочисленные свидетельства этого разбросаны в его дневниках, в запечатленных личных высказываниях. Но самым убедительным манифестом ненависти Вахтангова к старому миру был первый же спектакль „Чудо святого Антония“. Вахтангов углубил, поднял, осоциализм эту пьесу Метерлинка. „Чудо“—спектакль поразительный по мастерству и разнообразию памфлетных портретов-характеристик, данных с предельной художественной лаконичностью. Это большой сатирический спектакль, который, к сожалению, почему-то сошел с подмостков театра Вахтангова. И второй творческий акт Вахтангова в его студии—„Принцесса Турандот“—так же глубоко увязан с „принятием“ Вахтанговым революции. Характерно, что его потянуло к театру, выросшему из итальянской народной комедии масок.

Как подошел Вахтангов к „Турандоту“? Это был удар по реставраторству, торжество театральной условности, благодаря чему оказались закономерными злободневные ставки, беспрестанно оживляющие в течение десяти лет этот спектакль.

Так был взят старт! Но слишком скоро пришлось театру трауром покрыть портрет руководителя. Театр скоро осиротел. В одно из утр 1922 года в одном из чрезвычайных роскошных зал особняка на Арбате стоял большой тяжелый ящик, весь заваленный ворохами лиловой и белой подмосковной сирени. И в этом ящике лежал страшно похудевший, матово отливающий лобной костью и скулой Евгений Вагратионович. Его окружало множество почти таких же бледных, растерянных молодых лиц“ (П. Антокольский).

Растерянность эту надо понимать шире. Театр потерял тему, взятую Вахтанговым скорость. Театр усвоил на некоторое время романтический стиль, который был по существу уходом от жизни. И если некоторые спектакли и отличались стильностью („Марион де Лорм“, комедии Мерима), то для творческого развития театра они означали шаг на месте.

„Виринея“, „Разлом“, „Заговор чувств“ знаменуют новый поворот, переход на

советскую тематику, проверку вахтанговских методов на новом материале. Основной завет Вахтангова—призыв „воздействовать на действительность“, ее „идеологически оценивать“—принес театру ряд успехов и признание рабочего зрителя. И если „Темп“ является спорным спектаклем как произведение пролетарского творчества, то во всяком случае этот спектакль—доказательство подлинного союзничества вахтанговцев.

Но в календаре театра не одни праздники, не одни красивые цифры. Такие постановки, как „Авангард“, „Путинга“ и пресловутая „Зойкина квартира“ не только ошибки в выборе пьес; они характерны и свидетельствуют о том, что „ясности и четкости идеологической установки вахтанговскому театру иногда не хватает“ (Б. Захава). Это признание одного из художественных руководителей театра радует, как признак самокритики. Весьма обязывающим является заявление о желании изживать формальные штатания по мере овладения методом объективного познания действительности, т. е. методом диалектического материализма. Надо только, чтобы метод диалектического материализма стал для театра не только данью эпохе, чем-то названным, а „делом чести“ каждого из участников коллектива, которому, вместе с другими передовыми театрами Союза выпала трудная и ответственная задача строительства театра социализма. Театр не должен бояться публицистики. Характерно, что 13 ноября среди сцен-цитат, смонтированных в „Турандот“, очень тепло зрители приняли сцену ареста из „Коварство и любовь“. В этой сцене с поразительной ясностью отражен протест мелкой буржуазии против феодализма. Сцена построена Шиллером и дана театром резко—курсивом.

Вот с такой же политической ясностью театр Вахтангова, один из наших передовых театров, должен научиться показывать классовую борьбу и победы пролетариата.

А. Г.

Юбиляры на сцене

Дирижер резко опустил палочку, и в тот же момент инструментами смолкли, а за стеной помещения для оркестра раздались аплодисменты, глухо доносившиеся сюда, словно звук рассыпающегося гороха. Над пультом под абажуром горела лампочка и заливала теплым светом нотную тетрадь, гриф скрипки и круг на полу. Вверху, прямо над ним, склонился профессор Мебиус, знаменитый дирижер, и улыбаясь кланялся во все стороны. А горох сыпался все глуше и глуше, и наконец все стихло.

Христоф снова живо видел перед собой эту коротенькую минутку в этот последний вечер, лицо профессора, блики света от лампы—все до мельчайших деталей. Они играли Брамса „Венгерский танец“, и Христоф вспоминал четко, как он сложил ноты, спрятав скрипку в футляр. Дверь в артистическую хлопала все время, стучали стульями. Последний вечер!

На утро музыканты толпились в секретариате, расписывались в получении жалованья, и директор говорил каждому из них несколько вежливых слов.

— Мы не получаем больше дотации от государства... Такой прекрасный оркестр... Жаль до слез!

Христоф вытер лысину и стал смотреть на своих товарищей. Странное дело: оркестр распушен. Никогда больше он не будет сидеть против дирижера, вдыхать аромат зала, смотреть на лампу.

— Ну, а вы, господин Христоф?—обратился к нему в этот момент директор, проходя мимо.—Еще не имеете ангажемента? Такой блестящий солист! Ну, что-нибудь найдется, не так ли?—и при этом он отошел к следующему.

Товарищи пожимали плечами, разговаривали о возможности заключения нового договора, и лица у них делались озабоченными. Белокурый виолончелист получил ангажемент в Штеттин, два кларнетиста подписали контракт в Голландию; остальные пока оставались без дела.

Директор простился с ними, сказав еще несколько слов в утешение. Быстрое рукопожатие, и Христоф очутился на улице.

Христоф застегнул пальто и поправил галстук. Галстук должен всегда сидеть на месте, музыкант за этим следит особенно тщательно. Скрипка и груды рубашки должны выглядеть безукоризненно.

Проезжающий автомобиль чуть не наскочил на него.

Скрипка!.. Ее надо хранить, как зеницу ока, она драгоценная итальянка; на ней надо ежедневно играть—ах, да... оркестр распушен... ангажемента нет... Только теперь он осознал все это. Этот проклятый ангажемент!

Христоф сделал попытку улыбнуться. Надо пойти какой-нибудь оркестр. У него вытанулось лицо.

Дни, которые потянулись один за другим, немногим отличались от предыдущих. Правда, отпали репетиции, которые происходили по утрам, и время казалось незаполненным. Но Христоф брал скрипку и играл иногда до вечера—Баха, Моцарта Брамса или Бетховена.

Без оркестра скрипка звучала неподно, чего-то не хватало ей. И в конце концов нельзя было всегда только держать скрипку под подбородком и ни о чем не беспокоиться. Кроме того, квартирная хозяйка была недовольна, что он играет все время, она хотела покоя. Быть может, ей был не го вкусу Моцарт.

Христоф мало заботился о деньгах, пока получал жалованье. Нужно было только иметь скрипку и сидеть в оркестре, слушать шелест нот, заглушенные аплодисменты...

Прошло недели две.

И тут Христоф однажды обнаружил, что деньги кончились. Ах да, ангажемент... В посреднических бюро уже записались десятки до него. Свободных мест для скрипача-солиста не было. Для симфониста? Камерного музыканта? Концертанта? Нет.

— Быть может, есть место в кино?—спросил под конец Христоф.

Чинovníк засмеялся.

— Как в кино? Ведь теперь идут только звуковые фильмы.

Верно, об этом он совсем не подумал, для музыканта симфонического оркестра кино-музыка уже была чем-то второразрядным, низким, но все-таки... А раз звуковой фильм, тогда кончено. Значит, и здесь ничего.

— И, кроме того, для кино музыки вы уже слишком стары,—добавил чиновник быстро.

Христоф больше не расспрашивал. Со временем его охватил легкий страх. Его называли блестящим солистом, а теперь он никому не нужен? Христоф не мог этого понять. Он ходил по своей комнате из угла в угол, щурил свои близорукие глаза и смотрел на себя в зеркало.

Он вспомнил, как его недавно охарактеризовали: он слишком стар. Разве для музыки играет роль возраст? Разве можно охватить всю глубину музыки, если даже проживешь до ста лет? Христоф смотрел на себя в зеркало. Вокруг лысины торчало несколько тонких седых волосков, морщины на лице. Он слишком стар. Много лет провел он в консерватории, затем в маленьких провинциальных театрах—и все это пошло к черту? Он смотрелся в зеркало и его страх возрастал.

Полученное жалованье было истратчено, и теперь еще возник мучительный вопрос—где взять деньги? Скрипкой нельзя было больше жить; ангажемента не было, никакого ангажемента. И квартирная хозяйка уже три раза напоминала о плате. Христоф ходил часами взад и вперед по комнате и старался привести в порядок свои мысли. Все казалось тяжелым и необычным. Конечно, ему надо найти оркестр, ясное дело!

Христоф тратил свои маленькие сбережения постепенно, поделку за неделей. Раньше ему удавалось иногда отложить несколько марок, его потребности были невелики. Но теперь этого было мало, хватало, но ненадолго. Христоф отправился еще раз в посредническое бюро.

— Вы играете танцевальную музыку?—спросил его там.

Он согласился.

— Да, конечно, конечно,—прошептал он, забывши, как он прежде относился к танцевальной музыке, с каким презрением говорил о ней. Чинovníк пошарил в своей карточке.

— Ну, вам повезло... Вот вам,—сказал он.—Свободное место в джаз-банде, видите ли...

— Гм,—промямлил Христоф, и затанов дыхание, сжал в руке карточку.

— Вы, разумеется, играете на разных инструментах? Саксофон, тарелки, банджо, вот что требуется.

Христоф поблел.

— Нет,—сказал он устало и склонил голову.

Этого он не мог понять. Скрипка вдруг будет играть на саксофоне... Бетховен—и джаз-банд, Шуберт—и тарелки!.. Быть может, он слишком стар, чтобы понять это?

Он больше не приходил в посредническое бюро. Все равно для него нет ангажемента.

Он стал одеваться менее тщательно, чем прежде. Разве не все равно, как сидит на шее галстук—кто с него требует это?

Он доставал итальянскую скрипку, клал ее под подбородок и начинал играть. Но после первых тактов откладывал смычок в сторону. Зачем?

В конце месяца скрипка отправилась в ломбард.

Другого выхода не было, он уже передумал это сто раз, не желая расставаться со своей скрипкой. Кто-нибудь другой будет играть на ней... Этого он не мог допустить... На его скрипке. Он тайком от самого себя унес ее, чувствуя, что он совершает преступление.

Он не получил за нее много.—У нас слишком много инструментов, бывших в употреблении,—заявили ему в ломбарде.

Христоф купил себе другую скрипку, отвратительную игрушку для детей или начинающих музыкантов. Нельзя было сравнить ее скрипению с чудесным тоном итальянской. Он играл очень мало, несколько минут. Это было мукой. Но нельзя жить без скрипки...

Христоф уже мало заботился о белизне своей манишки. Целый день он сидел, устремив взор в одну какую-нибудь точку, рассматривал открытки и фотографии, приколотые к стене. Вот он в Гамбурге, Бремене, Штутгарте,—езде среди других оркестрантов. Он стал ненавидеть свои воспоминания.

Волосы его еще больше поредели, скрипка мучила и не давала ему покоя. Музыкант без настоящей скрипки, без ангажемента, без всего... Его называли блестящим солистом, и все теперь пошло к черту.

Как он дошел до этого, он сам не знал.

Он знал только, что у него нет ни гроша. Ему нечего было продать. Пожелтевшие фотографии никому не нужны, диплом из консерватории—тоже. Первого числа хозяйка попросила очистить комнату.

— Нам не пужны жильцы, которые не платят,—сказала она.—Вам лучше выбираться...

И выплыл так: вдруг Христоф взял скрипку подмышку, плохую скрипку в жалком футляре. В спешке он забыл надеть шляпу, галстук сидел криво, и вообще Христоф выглядел очень притытым. Он шел, приказав скрипку к себе, смотрел прямо перед собой и считал шаги. Он ни о чем не думал, он просто шел—хлопнул парадной дверью, вышел на лестницу, открыл еще одну дверь и очутился на дворе. Для чего?..

И затем он приложил скрипку к подбородку и заиграл... Брамса—„Венгерский танец“ 5-й и 6-й. Скрипка звучала жидко, одна струна дребезжала.

Христоф ничего не видел перед собой, но ему представлялось, что вот профессор Мебиус и нотная тетрадь здесь, дирижерская палочка плавает вверх и вниз, вверх и вниз, лампа освещает попирт; вверху дирижирует профессор. Христоф играет Брамса. Он никогда еще так хорошо не играл. Теперь Моцарта, менуэт а-дур... Профессор дирижирует. Рондо Иоганна Себастьяна Баха...

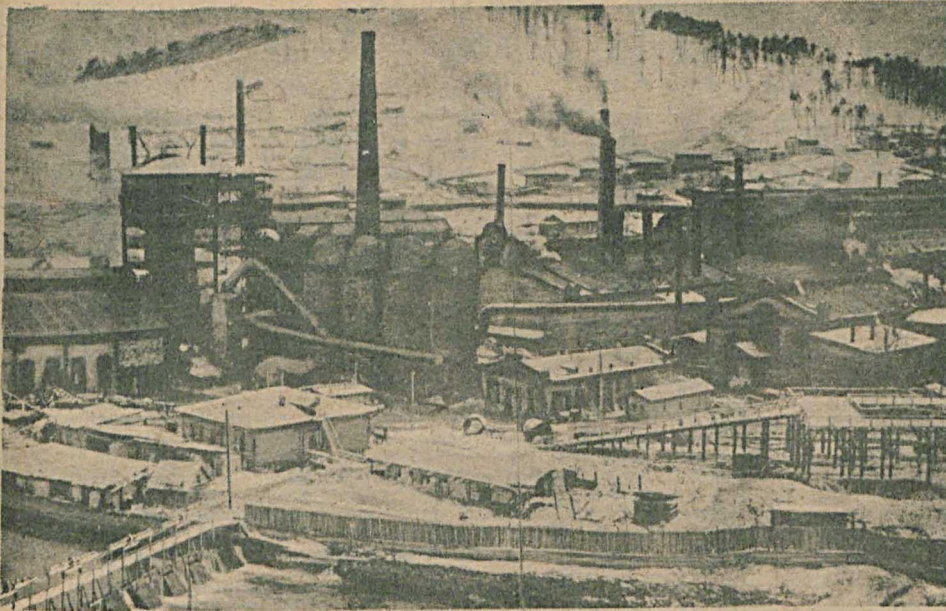
Вдруг все оборвалось.

Где-то выколачивали ковры. Медяк упал к его ногам. Христоф нагнулся. Выколачивание ковров становилось все настойчивее. Удар звучал за ударом, удар за ударом. Прямо удивительно, до чего этот стук буравил уши.

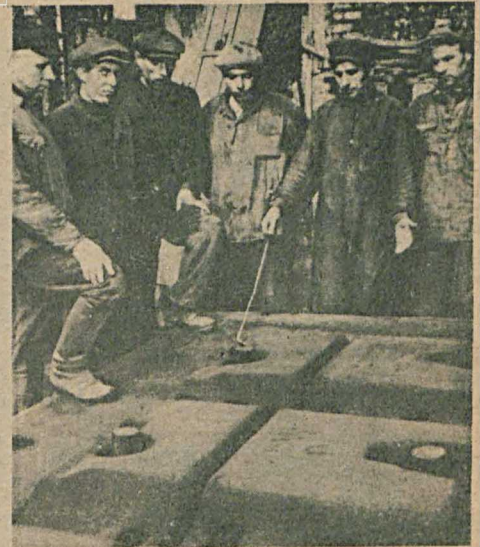
Христоф нагнулся и поднял медяк. Во дворе рядом с ним уличный торговец стал выкрикивать свои товары. Христоф уложил в футляр свою скрипку, жалкую маленькую скрипку, и медленно удалился.

Перевод с рукописи А. А. Дойча

ФОТО-ХРОНИКА

Златоустовский завод будет выпускать высококачественную сталь. Златоустовский металлургический завод имени Сталина переводится на выпуск исключительно качественной и высококачественной стали, становится базой для авиа-авто-тракторной и станко-строительной промышленности, требующих качественных сталей. На снимке: общий вид Златоустовского металлургического завода

Хозрасчетные бригады — бригады техники. Хозрасчет бригад проник во все цеха Коломенского паровозостроительного завода. Несколько бригад организовали коллективную технику. Повышение квалификации уже заметно сказалось на улучшении качества продукции бригад. На снимке: лучшая ударная бригада Ильичева из формовщиков литейного цеха

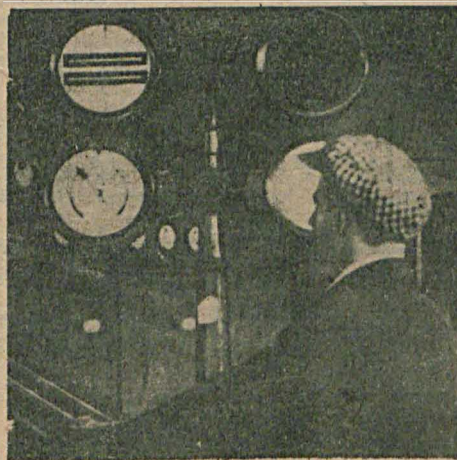
Увелили темпы сдачи хлеба. На элеватор ст. Каневской (Северный Кавказ) начало поступать из окрестных колхозов и совхозов зерно нового урожая. На снимке: просушка зерна на элеваторе

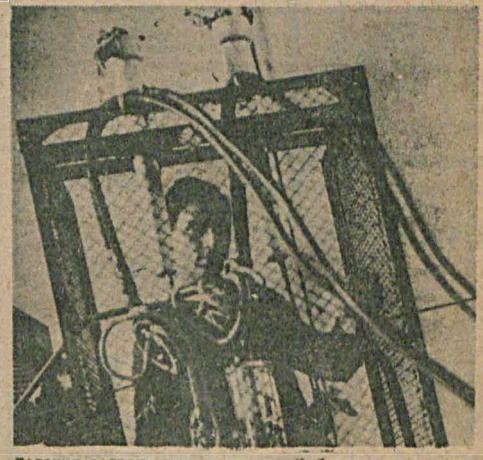
Шахта имени Горького с честью выполняет обязательства перед страной. Шахта имени Горького (Нахлонная) в Донбассе из месяца в месяц первыми выполняет свои задания. На снимке: погрузка угля в вагоны на шахте им. М. Горького

На одной лишней капли горючего. Во всех бригадах Армавирской МТС в целях экономии горючего проводится точный учет расхода его тракторами. На снимке: учетчик второй бригады тов. Киевский измеряет расход горючего после работы трактора

Новая победа. В Брянске к XIV годовщине Октября состоялось испытание новой турбины ВРЭС. Турбина блестяще выдержала испытание и пущена в ход. На снимке: монтер включает главный щит управления ВРЭС

Догенили заграничную технику. Лаборатория завода «Светлана» в Ленинграде закончила испытание генераторных радио-ламп, мощностью в 200 квт. Новые лампы являются одними из самых мощных в мире. На снимке: установка на испытание первой советской лампы в 200 квт.

СОТНИ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ ЭКОНОМИТ СССР

благодаря изобретениям и рационализаторским предложениям рабочих, техников и инженеров.

ТЫСЯЧИ ТРУДЯЩИХСЯ СТАЛИ ИЗОБРЕТАТЕЛЯМИ

ускоряя темп социалистического строительства и укрепляя могущество страны советов.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ МАССОВОГО ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ „ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“, орган Всесоюзного комитета шестой печати над изобретательством и Оргбюро Всесо. о-ва изобретателей при ВЦСПС

ОБУЧАЕТ, ОРГАНИЗУЕТ, МОБИЛИЗУЕТ РАБОЧИХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

ведет борьбу с оппортунистической недоскональной изобретательством при журнале

КОНСУЛЬТАЦИЯ ДЛЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА

в каждом номере журнала

ЗАОЧНЫЙ ПОЛИТЕХНИКУМ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: Журнал „ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“: 12 мес.— 4 р., 6 мес.—2 р., 3 мес.—1 р.

Подписку отдавайте местной почтой не позже установ. ею срока.

Журнально-газетное объединение

Быть каждый день в Москве. Говорить с лучшими ударниками. Обогащаться опытом передовых гигантов индустрии и сельского хозяйства всего СССР. Слушать речи вождей пролетариата. Слушать лучших артистов и писателей. **МОЖЕТ КАЖДЫЙ**

кто имеет радиостанцию и умеет обращаться с ней. Вооружайтесь техникой! Налаживайте радиосвязь на заводе, в клубе, в рабочих домах, в колхозах. Во всем этом вам поможет всесоюзный радиотехнический журнал „Радиофронт“, орган Всесоюзного о-ва друзей радио и ВЦСПС. Выходит 2 раза в месяц.

РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА

Проблема большевистской агитации и пропаганды по радио. Плановая радиодиффузия. Теория и практика радиотехники. Радиообщественность. Вопросы организации радиодружественности. Техника коротких и ультракоротких волн. Радио в цеху, в клубе, в рабочих жилищах. Изобретательство и рационализация в области радиотехники. В 1932 году ежемесячное приложение: библиография „Радиофронт“, освещающая основные достижения техники радио, телевидение, звукового кино и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: „Радиофронт“, 12 мес.—9 р., 6 мес.—4 р. 50 к., 3 мес.—2 р. 25 к. Журнала „Радиофронт“ с прилож. библиографии: 12 мес.—12 р., 6 мес.—6 р., 3 мес.—3 р., 1 мес.—1 р.

Подписку отдавайте местной почтой не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД.

История должна служить для раз'яснения основных вопросов политики.

ЖУРНАЛ

БОРЬБА КЛАССОВ

боевой политический орган О-ва истор.-марксистов при Командовании ЦИК СССР ставит своей целью внедрение исторических знаний на основе марксизма-ленинизма в широкие читательские массы, отделяется на важнейшие политические вопросы партии и Коминтерна и дает историческое объяснение важнейших политических фактов.

Чтобы дать возможность массовому активу, пробужденному и политической жизни Октябрьской революцией, в своей практической работе учитывать свой революционный опыт, журнал „БОРЬБА КЛАССОВ“ систематич. освещает историю партии и Октября.

На страницах журнала освещаются вопросы истории народов СССР, классовой борьбы трудящихся различных национальностей, влившихся в Союз Советских Социалистических республик.

„БОРЬБА КЛАССОВ“, впервые издаваемый в СССР научно-популярный массовый исторический иллюстрированный журнал, представляет большой интерес, как ценный источник для самообразования и занимательный материал для чтения.

Большое место отводится в журнале истории гражданской войны. Каждый грамотный рабочий и крестьянин, вузовец и рабфаковец должен знать историю гражданской войны 1918—21 гг.

Одним из важнейших отделов в журнале является „Массы творят и пишут историю“, где печатаются материалы самих участников гражданской войны и социалистической отборной районной массовой коллективизации, воспоминания участников гражданской войны.

В журнале открыт постоянный отдел „ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ“, в котором будет печататься история крупнейших предприятий.

В журнале печатаются статьи, документы, воспоминания, очерки, обзоры международной классовой борьбы.

Открыт прием подписки на 1932 год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м.—10 руб., 6 м.—5 руб., 3 мес.—2 руб. 50 коп. ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ МЕСТНОЙ ПОЧТЕ не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение.

Открыт прием подписки на 1932 год.

„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО“

Ежемесячный творческо-методический и научно-технический журнал ОРГАН СОЮЗФОТО И ОЗНКО „ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО“ — боевой руководящий орган пролетарского фотодвижения; борется за классовую пролетарскую фотографию, за максимальное использование фото во всех областях социалистического строительства. Вооружает трудящихся фотоустановками. В течение всего года в журнале будет вестись

ВЫСШИЙ КУРС ФОТОТЕХНИКИ

для фотокорреспондентов при участии лучших мастеров советского фоторепортажа.

Наиболее успевающие заочники зачисляются платными фотокорреспондентами Союзфото.

Заочники высших курсов фототехники имеют право на ПРИБЛИЖЕННОЕ ФОТОСНАБЖЕНИЕ

Прилож.—творческо-методическая и техническая „Библиотека Пролетфото“ 12 выпусков в год. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1932 ГОД

Журн. „Пролетфото“: 12 м.—7 р., 6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—1 р. 75 к. Журн. „Пролетфото“ с прилож. „Библиотека Пролетфото“: 12 мес.—13 руб., 6 мес.—6 руб. 50 коп., 3 мес.—3 руб. 25 коп. ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ МЕСТНОЙ ПОЧТЕ не позже установленного ею срока

Журнально-газетное объединение.

Всем работникам

центральной, краевой, областной, районной и фабр.-заводской

ПЕЧАТИ НЕОБХОДИМ

ЖУРНАЛИСТ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ журнал теории и практики большев. печати. „ЖУРНАЛИСТ“ освещает текущую работу печати, организуя широкий обмен опытом, печатает руковод. статьи по важнейшим вопросам газетной работы и теоретич. основам газетоведения.

Приложение—„Библ. Журналиста“, 4 книги в год.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м.—9 р., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 25 к. в прилож. библ.-ки (поквартирно 1/1, 1/IV, 1/VII, 1/X): 12 мес.—18 р., 6 мес.—6 р. 50 к., 3 мес.—3 р. 25 к.

Подписку сдавайте местной почтой не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение

Открыт прием подписки на 1932 год.

МОДЫ СЕЗОНА

ВЫПУСКИ ПОСЛЕДНИХ РИСУНКОВ ЖЕНСКОГО И ДЕТСКОГО ПЛАТЬЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1932 ГОД.

„МОДЫ СЕЗОНА“ (4 номера в год): 12 мес.—10 руб., 6 мес.—5 руб. Цена отдельного номера — 3 руб.

Подписку сдавайте местной почтой не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное объединение.

На **1932 г.**
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на литературно-худож. журналы

Художественная литература, играющая громадную воспитательную роль, должна гораздо более глубоко и полно отобразить героизм социалистической стройки и классовой борьбы, переделку общественных отношений и рост новых людей—героев социалистической стройки.

(Из постановления ЦК ВКП(б) от 15/VIII—1931 г.)

КРАСНАЯ НОВЬ

Ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал

(Орган Федерации Обединения Советских писателей).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

год—12 р., 6 мес.—6 р. Цена отдельного номера—1 р. 10 к.

ОКТЯБРЬ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

(Орган Всероссийской и Московской Ассоциаций Пролетарских писателей).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

год—12 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р. Цена отдельн. номера—1 р. 10 к.

ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ежемесячный массовый интернациональный журнал (Центр. орган Международного объединения революционных писателей (ШОРП). Издается на четырех параллельных языках: русский, немецкий, английский и французский.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА для каждого журнала: год—10 р., 6 м.—5 р., 3 м.—2 р. 50 к.

Цена отдельного номера—1 руб.

СОВЕТСКАЯ СТРАНА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художествен. журнал городов СССР.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—10 р., 6 мес.—5 р., 3 мес.—2 р. 50 к.

Цена отдельного номера—1 руб.

Подписка на 1931 г. переносится на 1932 г. Все подписчики 1931 г. будут получать журналы в 1932 г. соответственно сроку их подписки.

ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО

Двухнедельный иллюстрирован. журнал по вопросам кинематографии. (Орган Ассоциации работников революц. кинематографии „АРК“).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—7 руб. 50 коп., 6 мес.—3 руб. 75 коп. Цена отдельного номера—35 коп.

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

Ежемесячный массовый журнал марксистской критики.

(Орган Российской Ассоциации Пролетарских Писателей „РАПП“).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—10 руб., 6 мес.—5 р., 3 мес.—2 руб. 50 коп.

Цена отдельного номера—35 коп.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ИСКУССТВО-ЗНАНИЕ (б. „Литература и искусство“)

Ежемесячный орган Института литературы, искусства и языка (ЛИЯ) Коммунадемии.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—12 руб., 6 мес.—6 р., 3 мес.—3 руб.

Цена отдельного номера—1 руб. 25 коп.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (б. РАПО)

Двухмесячный журнал марксистско-ленинской литературной теории и практики.

Орган Всесоюзного Обединения Ассоциаций Пролетарских Писателей (ВОАПП).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—7 руб. 50 коп., 6 м.—3 р. 75 к. Цена отд. ном.—1 р. 75 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный информационный и культурно-просветительный бюллетень Государственного издательства художественной литературы при участии МАПП.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—3 р., 6 м.—1 р. 50 к. Цена отдельного номера—30 коп.

ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ

Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник.

(Орган Российской организации пролетарско-колхозных писателей „РОЛП“).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—9 р., 6 мес.—4 р. 50 к., 3 мес.—2 руб. 25 коп. Цена отд. номера—90 коп.

КОМБАЙН

Двухнедельный массовый общественно-политический и художественно-бытовой журнал.

(Орган Российской организации пролетарско-колхозных писателей ЦК союзов рабочих соххозов, МТС и батрачества).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—2 руб., 6 мес.—1 руб. Цена отдельного номера—10 коп.

30 ДНЕЙ

Первый в СССР художественный литературно-общественный и научно-популярный иллюстрированный журнал в рабочем обложке.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—6 р., 6 м.—3 р.

Цена отдельного номера—60 коп.

ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД

Ежемесячный иллюстрированный, литературно-художественный, научно-популярный и общественно-политический журнал Московской Творческой группы РАПП „Музимца“.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—6 р., 6 мес.—3 р., 3 мес.—1 р. 50 к.

Цена отдельного номера—60 коп.

СОВЕТСКИЙ ТЕАТР

Ежемес. общественно-политич. журнал по вопросам театра и марксистского театроведения.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год—6 р., 6 м.—3 р. Цена отд. ном.—60 к.

РОМАН-ГАЗЕТА

Ежемес. массовый журн. художествен. литературы. Подписная плата: год—2 р. 50 к., 6 м.—1 р. 25 к. Цена отдельного номера—25 коп.

И сведения подписчиков 1931 г.: номер 1—2 „Роман-газеты“ в наступающее время печат. и будет разослан в ноябре—декабре этого года. Дальнейшие номера подписчики 1931 г. будут получать в 1932 г. соответственно срокам их подписки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех местных отделениях и магазинах КНИГОЦЕНТРА и их уполномоченными, всюду на почте и письменносданием

ЧИТАЙТЕ

РОСТ

ПОРТРЕТ, ХУДОЖЕСТВЕН. УВЕЛИЧЕННЫЙ высылаю с любой фото-карточкой разм. 32x40 с упаковкой и пересылкой при получении 16 руб. При желании покрыть ланом дорожку на 2 руб. Карточка возвращается.

Москва, 47, б. Грузинская, 75. Худ. Фот. Л. В. САМОЙЛОВИЧ.

ВСЕМ—ВСЕМ—ВСЕМ...

КУЛЬТОВАРЫ ПРОВИНЦИИ

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ЛЕНПРОМГОРТА ИЗВЕЩАЕТ:

все культтовары: канцелярские, фото-радио-спорт-принадлежности, игрушки и хоз. предметы высылаются налож. платежом по получении задатка 50%. Подробный прейскурант высылается по получении двух пятнадцатикопеечных марок.

Выписывайте культтовары только от Ленпромгорта—Отдел торговых отправок.

Аккуратное исполнение заказов гарантируется.

Заказы, переводы и письма адресуйте: Ленинград, пр. 25 Октября.

Телегр. адрес: „Агр. Посылочная“, Ленпромгорт 102.

ГРАФОЛОГ - ЭКСПЕРТ

Лев ЗУНДЕЛЬ

Москва, Центр. почт. ящ. 541.

Преполагает графологию.

Стать графологически грамотным человеком, разбираться в сильных и слабых сторонах его и чужого характера, отмечать способности по почерку поможет новая работа графолога Д. ЗУЕВА - ИНСАРОВА.

Курс составлен по новейшим русским и иностр. авторам и состоит из 12 лекций, высылаемых ежемес. Плата за курс 120 руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА.

ЛЕЧЕБНИЦА (ПОЛИКЛИНИКА) ВСЕРООБПОМА

ОХОТНЫЙ РЯД, 3 (у Дома союзов). Телефон 1-52-88 и 3-38-67

Прием врачами специалистами всех граждан по всем специальностям с 8 часов утра до 9 часов вечера

ЛАБОРАТОРИЯ (все виды медицинских анализов).

РЕНТГЕН, ЭЛЕКТРО-СВЕТОЛЕЧЕНИЕ.

ХИРУРГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ (ортоп., туб. костей, исправление дефектов лица, челюстей, неба, носа).

ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ (туб., бол. сердца, сосуд. бол. обмен веществ, бол. желудка и кишок и пр.).

ЗУБОВРАЧЕБНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ (протезирование).

ГИНЕКОЛОГИЯ И АКУШЕРСТВО (профилактика).

КОЖНО-ВЕНЕРИЧЕСКОЕ И УРОЛОГИЧЕСКОЕ мочепол. отделение. **ЖЕНСКАЯ ГОНОРЕЯ.**

Консультация и прием профессоров ежедневно.

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ

ПОЛЬЗА объявлений в „ОГОНЬКЕ“ ГАРАНТИРОВАНА исключительным тиражом журнала

ЧИТАЙТЕ РОСТ ЧИТАЙТЕ

**ВНИМАНИЕ,
ВНИМАНИЕ,**

4

**4-АЯ ВЕЩЕВАЯ
ЛОТЕРЕЯ
ДЕТКОМИССИИ
при ВЦИК**

25-го декабря 1931 г. в гор. Ростове и Дону назначен тираж 2-го раунда, всего выдано 12.800.000 лотбилетов на сумму 6.400.000

ВСЕГО ВЫИГРЫШЕЙ 23.160 НА Сумму 960.000 руб.

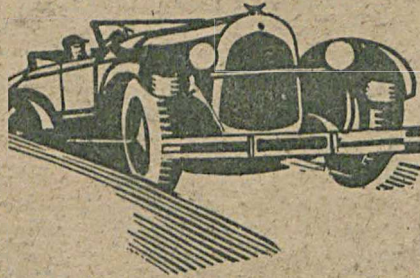
РАЗЫГРЫВАЮТСЯ: автомобили, отрезки на пальто и костюмы, музыкальные инструменты, часы, будильники, обувь, и том числе дамские боты, детские игры, вещи спортивного и домашнего обихода и проч.

ГЛАВНЫЕ ВЫИГРЫШИ СТОИМОСТЬЮ в 3.000, 2.000 и 1.000 руб.

Вся вырванная сумма от реализации билетов поступает в фонд на ликвидацию детской безпризорности

Билеты продаются в Деткомиссиях, вчехмах ОДД, школах, ВУЗах, техникумах, во всех учреждениях, а также непосредственно в Деткомиссии при ВЦИК

ЦЕНА БИЛЕТА 50 КОП.

РАЗРИСОВКА КРАСКАМИ

Материй, глины и т. п. обучаются на ЗАОЧНЫХ ГОС-КУРСАХ ДОНО „Техника росписи“. Умение рисовать не обязательно. Краски, нити и др. высылаются. Подробности за 20 коп. шаржами. По окончании выдается свидетельство.
МОСКВА, Сухаревская пл. Психиатровский пер. д. 9/10.

**РОЗЫСКИВАЮ
родных, с которыми потерял связь с 1919 г.**

Отца Евгения Андреевича СОКОЛОВА братьев — Владимира, Анатолия и Александра. Сестру — Веру.

Ранее жили в Лысьвенском заводе Пермской губ.

Всех, кто знает о судьбе или местожительстве вышеуказанных лиц, прошу сообщить по адресу:

Имя, Днепроострой, Лесовоимбинат Соколову, Николаю Евгеньевичу.

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР

„ГУТЕНБЕРГ“ необходим и полезен каждому. Каждый может сам легко составить и печатать любой текст, бланки, конверты, карточки, повести, счета, стихи, имя, отчество, фамилию и пр. 250 клавиш, буквы, цифр, знаков и украшений принадлежи; и рукоя. 4 р. 50 к. 525 букв — 9 р. 750 букв — 13 р. 1000 букв — 18 р. Пересылка за счет заказчика. Высылается наложенным платежом — по получении вадатки 3 руб.

В переводе необходимо четко и ясно указать свой обратный адрес.

Адрес: ОДЕССА, ул. Ленкина, 23. Ш. БРАУ Изготавливает всевоз. штемпели и печатки

**БЛИЖАЙШИЙ ВЫПУСК
СОЮЗКИНО**

СНАЙПЕР

Звуковой художественный фильм в 6 част.
Постановка и сценарий — режиссера **СЕМЕНА ТИМОШЕНКО**
Оператор **ВЛАДИМИР ДАНАШЕВСКИЙ**

В главных ролях:
БОРИС ШЛИХТИНГ
ПЕТР СОВОЛЕВСКИЙ

ПРОИЗВОДСТВО ЛЕНИН-ГРАДСКОЙ ф-ки СОЮЗКИНО

**МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
КНИГОЦЕНТР**

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1932 год
НА ЖУРНАЛЫ**

БОРЬБА МИРОВ

Ежемесячный журнал революционной романтики, социальной фантастики и художественной пропаганды генерального плана. Борьба революционной молодежи на Западе.

Подписная плата на 1932 год: на 12 м. — 5 р. 40 к., на 6 м. — 2 р. 70 к., на 3 м. — 1 р. 35 к.
Цена отдельного номера — 50 к.

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал научной фантастики, путешествий, открытий. Показ социалистического строительства и роста международного революционного движения.

Выходит 24 №№ в год.
Подписная плата на 1932 год: на 12 м. — 4 р. 50 к., на 6 м. — 2 р. 25 к., на 3 м. — 1 р. 15 к.
Цена отдельного номера — 20 к.

Подписка принимается во всех магазинах и отделениях Книгоцентра, по почте и письменно. ТИРАЖ ЖУРНАЛОВ ОГРАНИЧЕН

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 год на ЖУРНАЛЫ:
СССР НА СТРОЙКЕ**

Ежемесячный журнал фото-иллюстраций нового типа. Журнал посредством фото показывает громадные размах строительства, совершаемого пролетариатом в стране Советов. В 1932 г. выйдут 12 номеров „СССР НА СТРОЙКЕ“ выходит в четырех изданиях: русском, английском, немецком и французском.
Подписная цена: год — 15 р., 6 мес. — 7 р. 50 к. Отдельный номер — 1р. 50 к.

Журнал печатается способом меццо-тинто на роскошной папеловой бумаге. Лучшие фото-корреспонденты, журналисты и художники участвуют в журнале „СССР НА СТРОЙКЕ“.

Подписка принимается во всех местных отделениях и магазинах Книгоцентра, их уполномоченными, всюду на почте и письменно.

ЗА ПРОЛЕТАРСКОЕ ИСКУССТВО

Двухнедельный массовый иллюстрированный журнал. Орган Российской ассоциации пролетарских художников. Подписная цена: Год — 7 р. 50 к., 6 мес. — 3 р. 75 к.
Цена отдельного номера — 35 к.

СОВЕТСКИЙ МУЗЕЙ

Двухмесячный иллюстрированный журнал по вопросу музейной работы. Орган сектора науки Наркомпроса РСФСР. Подписная цена: год — 6 р., 6 мес. — 3 р.
Цена отдельного номера — 1 р. 25 к.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1932 год НА ЖУРНАЛ**

ГОВОРIT СССР

**МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
РАДИО-ЖУРНАЛ**

Орган Всесоюзного Комитета по радио-вещанию
Выходит три раза в месяц под редакцией тов. ФЕЛИКСА КОМА

„Говорит СССР“ ставит своей задачей борьбу за большевистскую перестройку радиовещания, за реализацию сделанных тов. Сталиным указаний „о новых задачах“ применительно к радиовещанию.

Журнал освещает основные вопросы текущей политики и практики радиовещания и радиотехники, опыт зарубежного вещания, вопросы радиодиффузии и радиотехники и все ж за границей

В журнале будут подробные программы всех советских и зарубежных радиовещательных станций
Журнал „Говорит СССР“ будет богато иллюстрирован, журнал печатается по способу МЕЦЦО-ТИНТО

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — 6 р., на 6 м. — 3 р. 50 к., 3 м. — 1 р. 70 к. **ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 20 к.**

Подписка принимается во всех почтовых отделениях СССР
Издательство НКПТ, Москва, 9, Тверская, 17